ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 91 (4216)

Вторник, 2 августа 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

МОЛДАВИЯ СЕГОДНЯ

Сегодня Молдавской Советской Социалистической Республике исполнилось 20 лет.
На снимке: *Солнечный Кишинев — столица Молдавской ССР.*
(Снимок сделан с самолета, пилотируемого летчиком Б. Божкевичем).

Лист зеленый и... век космических скоростей

Ион ДРУЦЭ

КАЖДАЯ эпоха приносит в жизнь свой ритм, свою собственную скорость. Это скорость передвижения, скорость мышления, скорость созидания нового и разрушения старого. Для одних народов эта смена эпох и, следовательно, смена скоростей происходит медленно, незаметно: для других — более быстро, более ощутимо. Что касается Молдавии, то здесь произошло единственное в своем роде чудо.

Наш край казался нам огромным, чуть ли не седьмым континентом. Это убеждение пришло в нам с весьма печальным опытом. Для того чтобы проехать с севера до Кишинева, а ехали тогда в основном на волах, нужно было потратить около семи суток. Уезжая из Кишинева, принято было, по церковному обряду, прощаться со всей родней — кто знает, доведется ли еще свидеться! А чтобы навестить своих родичей за тридцать верст, нужны были снова двое-трое суток. Чтобы сходить больному человеку к врачу, требовались огромные сроки. Часто наши молдаване не укладывались в них и помирали, так и не успев выяснить, что же с ними приключилось.

Двадцать лет назад Молдавия стала союзной Советской Социалистической Республикой. О континенте теперь уж и не заговаривали,— любой мотоцикл, несмотря на свои скромные лошадиные силы, за день мог проехать Молдавию из конца в конец. Колхозы республики стали получать свои грузовики, и республика в связи с этим стала заметно «уменьшаться» — теперь уже можно было завтракать в одном конце Молдавии, обедать в другом, а к ужину вернуться домой.

Эти скорости настолько избаловали наших любителей путешествий, что теперь они даже с некоторым пренебрежением относятся к автотранспорту, — сегодня молдаване предпочитают летать.

Все эти перемены произошли за какие-нибудь двадцать, а если вычесть годы войны, то за пятнадцать лет.

Но если смена скоростей передвижения по республике еще поддается какому-то приблизительному разбору, то изменения, происшедшие во внутреннем мире наших людей, воистину непостижимы. Человек, еще двадцать лет тому назад способный запустить в вас топором, если вы посягнули на его клочок земли, в наши дни от души радуется хорошим посевам в соседнем колхозе. У человека, еще двадцать лет тому назад «расписывавшегося» отпечатками пальцев, сегодня сын — ученый. Ныне отец этого ученого может подробно объяснить, какой именно наукой занимается его сын и что, собственно, привлекло его туда.

Самое важное, самое ценное, что принесла новая эпоха молдавской деревне, — это отношение к труду. Человек будто впервые поднялся на ноги и увидел мир вокруг себя, увидел себя в этом мире.

Исчезли неверие и скептицизм крестьян — знаменитый скептицизм, культивировавшийся веками. Вместе с актами на вечное пользование землей молдавские деревни получили и право на собственную историю этого края.

Про себя мы всегда называли свой край зеленым. Добрая половина неисчислимого количества молдавских народных песен начинается словами «Фрунзэ верде», что в переводе означает «Лист зеленый».

Этот нехитрый образ зеленого листочка впитал в себя такой огромный мир мыслей и чувств, получил такую могучую эпическую нагрузку, что часто терялась сама песня, которая следовала за ним. Это обстоятельство, видимо, и породило то несколько надменно-буржуазное изречение, что, когда молдаванин запоет «Фрунзэ верде», то ему уже нечем помочь.

Еще двадцать лет назад старый уклад жизни с удивительной заботливостью культивировал такой род песен. Бесконечное скитание старых, скрипучих телег, одинокие чабаны, посиделки в длинные зимние вечера... Теперь все эти формы бытия исчезли или исчезают, а вместе с ними, как ни грустно, стало исчезать и «Фрунзэ верде». Общий уровень культуры как-то застеснялся этих бесконечных повторений, а может, новое осмысливание жизни простым человеком вызвало такие размышления и чувства, которые теперь уже не укладывались в эти рамки.

Писатели обычно склонны к сентиментальности, и как-то у нас в Кишиневе возник долгий и печальный разговор о столь ранней кончине этого зеленого листочка. Конечно, мы соглашались, что все новое, полученное нами, неизмеримо выше тех листочков, но, рассуждали мы, нельзя ли было бы как-нибудь сохранить и это «Фрунзэ верде»?

Дневник писателя

Увы, сделать это нельзя. «Фрунзэ верде» доживает свои дни в передачах Кишиневского радио, в программах самодеятельности, но, слушая их, наш молдаванин как-то недоверчиво улыбается. Не может быть, чтоб это все он пел когда-то... Единственное, что мы извлекли из нашего спора, была старая истина, что диалектическое развитие общества — это не только философски абстрактная формула.

И все-таки «Фрунзэ верде» не исчезло. Несколько лет спустя после этого разговора нам довелось снова встретить прежний образ зеленого листочка.

Сначала нужно сказать несколько слов о тех обстоятельствах, при которых состоялась встреча. В молдавских селах, как, впрочем, и в селах других республик, сегодня строят очень много домов. Специфика строительства домов в молдавской деревне состоит в том, что здесь все буквально охвачены фанатизмом строительства. На обычный вопрос: «Как поживаете?» —здесь отвечают: «Да ничего, строим дом...»

У нас каждая деревня представляет собой отдельную архитектурную школу. Они соревнуются между собой, эти школы. Одна из деревушек Липканского района претендовала на первенство в этом деле, и мы из любопытства поехали туда.

Строят там, правда, с большим вкусом. Самое крупное новшество этой архитектурной школы состоит в следующем. Парадная дверь помещается в глубине дома и вместе с передними стенами образует очень красивую веранду. По обеим сторонам этой веранды, вдоль стен, стоят небольшие колонны, вылепленные из глины, отделанные под разные породы деревьев — дуб, клен, ясень. На этих колоннах красуются веточки, даже небольшие выкрашенные листочки... Кто-то из нас сказал:

— Ну, здравствуй, Фрунзэ верде!..

Конечно же, это был тот самый зеленый листочек из наших древних песен, который мы так преждевременно оплакивали. Он вернулся к жизни, но новая эпоха вернула его другими путями. Невероятно трудно, почти невозможно проследить путь этого «Фрунзэ верде» от однотонных песен до архитектурных форм, трудно уловить этот перелом в народном творчестве.

Но более интересным представляется мне другое. Видимо, слишком дорог нашему народу образ зеленого листочка, если он вернул его себе. Зеленый листочек воплотил в себе идеал всего народа нашего края. Но идеал не только дело вкуса — идеал суммирует все склонности, все возможности, перспективу.

Зеленый листочек — к чему же была еще склонна молдавская земля, если не к садам и виноградникам! Зеленый листочек — признак активно действующей жизни, благородное соединение земной влаги и труда человеческого.

Возвращаясь, мы видели, как кругом раскинулись сотни и сотни гектаров садов, виноградников и шелестели на ветру, улыбались солнцу бесчисленные зеленые листочки. Мы думали о том, что липканские строители намного опередили нашу литературу. Они ближе чувствуют эпоху, чувствуют власть ее созидания, чувствуют потребность творчества наших дней...

Но ведь все это только начало. Задача, поставленная перед тружениками нашей республики — превратить Молдавию в сад Советского Союза,—исходит, безусловно, из хозяйственных соображений. Но другое, не менее важное обстоятельство заключается в том, что сама эта задача соответствует идеалу всего молдавского народа, что это и есть именно то, чего ждала земля веками, чего ждал и народ вместе с ней.

Каждая эпоха приносит в жизнь свою особую, только одной ей присущую скорость. Но то, что произошло в Молдавии за двадцать лет, — это единственное в своем роде чудо. Никогда ни одна эпоха, ни один государственный, общественный строй не смогли в столь короткий срок продвинуть идеал к народу, так заботливо помогать ему, с такой искренностью радоваться его успехам.

ПИСАТЕЛЬ—АКТИВНЫЙ ПРОПАГАНДИСТ КНИГИ

Обращение ко всем работникам книжной торговли, издательств, полиграфической промышленности, ко всем друзьям книги

Дорогие товарищи!

Центральный Комитет КПСС принял *постановление о состоянии и мерах улучшения книжной торговли* и обратился с приветствием к Всесоюзному совещанию работников книжной торговли, состоявшемуся в Москве.

Мы, участники Всесоюзного совещания, с глубоким удовлетворением и огромной радостью встретили эти важные документы, как новое яркое проявление неустанной заботы нашей партии о благе народа и удовлетворении его духовных запросов, как боевую программу дальнейшего развития книжной торговли — составной части общепартийной и общегосударственной работы по коммунистическому воспитанию трудящихся.

Работники советской книжной торговли немало сделали для пропаганды и продвижения литературы к читателю. В 1959 году в стране было продано книг на 4 миллиарда рублей. Однако в распространении литературы еще много серьезных недостатков, которые мы обязаны устранить.

Работники государственной и кооперативной книжной торговли! Наша главная задача состоит в том, чтобы наиболее полно удовлетворять запросы советских людей на литературу по всем отраслям знаний. Особое внимание уделяйте распространению общественно-политической литературы.

Всемерно расширяйте книжную торговлю, будьте надежными помощниками партийных организаций в работе по коммунистическому воспитанию трудящихся города и села, в повышении их культурного уровня. Укрепляйте связи с общественными и творческими организациями, с учреждениями культуры, с промышленными и сельскохозяйственными предприятиями. Добивайтесь расширения книготорговой сети. Настойчиво внедряйте новые, прогрессивные формы и методы книжной торговли. Развивайте специализацию книжных магазинов. Надо, чтобы хорошо налаженная торговля книгами осуществлялась не только в районных центрах, но и в отдаленных, глубинных селах, чтобы во всех сельских книжных магазинах была новая актуальная литература.

Мы призываем всех работников книжной торговли решительно улучшать изучение спроса населения на литературу. Пусть станет законом — ни одного заказа на книги без предварительного обсуждения с читателями, со специалистами и заинтересованными организациями!

Работники издательств! Внимательнее прислушивайтесь к просьбам и требованиям покупателей и книготорговых работников. Всемерно повышайте идейно-художественное содержание выпускаемой литературы. Улучшайте тематическое планирование. Обеспечьте выполнение намеченных планов выпуска книг.

Работники полиграфической промышленности! Всемерно улучшайте полиграфическое исполнение изданий. Помните, что в современных условиях значительно возросла требовательность читателей к оформлению книги.

Работники библиотек! Больше помогайте в изучении спроса на книгу, активно участвуйте в составлении заказов. Всемерно расширяйте замечательный почин передовых библиотек по продаже книг населению.

Товарищи писатели, художники, композиторы, научные работники, журналисты! Мы призываем вас чаще посещать книжные магазины, интересоваться, как распространяются ваши произведения, активно участвуйте в пропаганде книг и массовых формах их распространения.

От имени пятидесятитысячной армии книготорговых работников и миллионов читателей мы выражаем горячую благодарность общественным пропагандистам, всем друзьям книги и комсомольским организациям, занимающимся распространением литературы. Мы призываем вас, дорогие друзья, еще шире развертывать это патриотическое движение.

Товарищи! Приветствие Центрального Комитета КПСС Всесоюзному совещанию работников книжной торговли вызвало у нас чувство большой гордости за наш скромный труд и высокой ответственности за порученное дело. Мы единодушно заверяем родную партию в том, что все свои силы и знания, всю свою энергию и опыт отдадим благородному делу распространения литературы среди всех трудящихся нашей страны.

(Принято единогласно на Всесоюзном совещании работников книжной торговли 28 июля 1960 года).

Советский характер

Анатолий Приставкин

Три жизни

Документальная повесть

ЖИЗНЬ ПЕРВАЯ

СЛУЧАЙ С ГАЙНУЛИНЫМ

Анатолий Приставкин — молодой литератор, в недавнем прошлом рабочий. Его очерки и невыдуманные рассказы--документальные новеллы — публиковались во многих газетах и журналах. Привязанность к жанру документальности А. Приставкин сохранил и позже, когда начал работу над повестью о строителях Братска — гайнулинцах и их бригадире.

Сегодня мы начинаем печатать «Три жизни» А. Приставкина — повесть, в которой нет ни выдуманных имен, ни выдуманных ситуаций. Основные части повести называются так: «Жизнь первая», «Жизнь вторая», «Жизнь третья».

СТАРШИЙ прораб Парфенков сказал Гайнулину:

— Там, над блоком, один камень, кажется, «дышит». Посмотри, если бетонировать нельзя, забурим шпуры и взорвем.

Шел первый бетон в тело плотины Братской ГЭС, и в том месте, где он сращивался с отвесной береговой скалой, работала бригада Бориса Гайнулина.

Это случилось неожиданно. Борис шел по узенькому карнизу на высоте метров двенадцать-тринадцать. Ребята очищали ломиками скалу, и он сказал Федору Черных:

— Смотри, не отвязывайся! Здесь прораб ходит, потом шуму не оберешься!

И соседнему с ним рабочему:

— От этого камня отойди, он плохо держится. Подчищай мелочь.

И опять пошел по карнизу, только раз для равновесия тронул рукой скалу. Все произошло мгновенно. Камень обломился и ударил Бориса в плечо. Борис попытался опять ухватиться, но рука прошлась по воздуху, и он потерял равновесие.

Кто-то внизу дико закричал. Каменная чаша котлована с кранами и людьми опрокинулась и стала падать сверху на него. Так ему показалось. Нет. Он не потерял сознание. Он просто подумал: «Все. Крышка». Он еще видел летящую прямо в лицо землю, глыбы скал, камни...

И закрыл глаза. Все. Конец, Борька... Амба.

РАЗГОВОР О СЕБЕ

— БОРИС, ты меня слышишь?

— Да.

— Тебе очень больно?

Не знаю. Не помню. Нет. Сейчас я опомнюсь, приду в себя, и все будет хорошо. Ведь правда? Я же не потерял памяти! Я падал и знал, что внизу диабазовые куски по кубометру каждый. Я подумал: «Все». Ох, как долго никто не подходит. Знаешь, я полетел и решил — «Конец». Я не подумал, что мало жил. Двадцать четыре мне.

Да, да. Я все помню. Я родился 4 ноября. Но я всегда приравнивал себя к ноябрьскому празднику Октябрьской революции. Отец мой тоже птица перелетная. Он в четыре года попал в детдом, а потом работал по разным лесопромхозам Сибири. Так и бродил. Были: он, мать, чемодан и я. Где и жили, не помню. Знаю, кочевали по реке

(Продолжение на 2-й стр.)

Оккупанты в страхе...

МОЛДАВИЯ СЕГОДНЯ

КОГДА читаешь газетный заголовок «Выборы в Южной Корее», невольно настораживаешься. Ведь именно выборы 15 марта, в четвертый раз предоставившие Ли Сын Ману президентское кресло, оказались каплей, переполнившей чашу гнева корейского народа. Эти «выборы» были мешаниной из подлогов, подкупа, мошенничества и насилия. Их окончательный итог известен: Ли Сын Ман вылетел из президентского кресла, а затем и из Кореи.

И вот в Южной Корее новые выборы, на сей раз парламентские. Они состоялись 29 июля. И снова западные телеграфные агентства называют их «свободными и справедливыми». И снова идут сообщения из Сеула — и их передают те же агентства! — о том, что во многих городах и сельских районах обнаружены мошенничество, фальсификация выборов. Это имело место в Сеуле, Пусане, Тэгу, Кванчжу, Чанвоне, Ульсане... А в скольких еще местах мошенникам удалось спрятать концы в воду?!

Однако фальсифицировать выборы теперь не так-то легко. Корейский народ стал бдительней, и он решительно протестует против мошенничества властей у избирательных урн. В день выборов в Южной Корее по меньшей мере в двадцати избирательных округах по требованию избирателей, обнаруживших злоупотребления, был произведен подсчет бюллетеней. В одиннадцати округах толпы возмущенного народа разбили или сожгли избирательные урны. В Сеуле, Пусане, Чанвоне и других городах состоялись демонстрации протеста против фальсифицированных выборов.

На сей раз к власти шла (и пришла, получив большинство) демократическая партия. За истекшее со дня свержения Ли Сын Мана время реакционные главари этой «оппозиционной» партии показали себя весьма ревностными прислужниками американских оккупантов, сторонниками сохранения лисынмановского режима без Ли Сын Мана.

Страх перед народом, перед его гневом. В поведении и действиях правителей Южной Кореи это чувствуется, пожалуй, больше, чем где бы то ни было. Дрожат уцелевшие на многих постах государственного аппарата лисынмановцы. Боятся корейского народа и американские оккупанты. Ведь чем это ни маскируй, каким «невмешательством» это ни называй, но оккупанты не решились весной выступить на защиту Ли Сын Мана, «лучшего друга Америки».

Как-то, во время поездки по Северной Корее, мне довелось посетить Паньмыньчжон, где в 1953 году было подписано соглашение о перемирии. Стоишь на холме, через который проходит военно-демаркационная линия, и видишь: с северной стороны этой линии стоят корейцы, солдаты Народной армии КНДР. А с южной— американские «МР» — военная полиция. Почему же не южнокорейцы? — удивился я. И услышал в ответ: «Американцы им не доверяют».

Мало сказать, «не доверяют». Боятся. Боятся какого бы то ни было контакта между северокорейцами и южнокорейцами.

С холмов Паньмыньчжона часто видны пожары к югу от военно-демаркационной линии. Это оккупанты выжигают траву, тростник, кустарники, чтобы ни один кореец с юга не мог проникнуть на север.

Они боятся корейского народа. И страх этот вполне обоснован. Народ ненавидит их. И в конце концов выгонит со своей земли.

Н. ШМЕЛЕВ

Село Гидигич. Здесь находится колхоз-миллионер «Бируинца».
(Снимок сделан с самолета, пилотируемого летчиком Б. Божкевичем).

ДЖАМИЛА БУПАША: ВЕРЮ В СВОБОДУ И ПРАВДУ

Джамила Бупаша с братом и сестрой
Снимок из журнала «Тайм»

Красивая смеющаяся девушка, сфотографированная здесь с младшими братишкой и сестренкой, — это Джамила Бупаша, 22-летняя алжирская патриотка, о трагической судьбе которой писала «Литературная газета» 9 и 28 июня. Такой была Джамила до заточения в алжирскую тюрьму.

Освобождения алжирской патриотки, наказания ее палачей громко требует вся мировая прогрессивная общественность. В самой Франции честные люди, сплотившиеся вокруг «Комитета в защиту Джамилы Бупаша», добиваются перевода отважной девушки из Алжира во Францию. Здесь, по заверению французских властей, должна быть произведена медицинская экспертиза, необходимая для расследования преступления, совершенного современными инквизиторами над молодой алжирской патриоткой. Однако, как сообщала на днях газета «Юманите», алжирские судебные власти препятствуют выезду Джамилы из Алжира. Чтобы сорвать ее отъезд, они потребовали от Джамилы уплаты фантастической суммы в сто тысяч франков... якобы за «транспортные расходы». «Итак, Джамила Бупаша должна уплатить сто тысяч франков за то, что ее пытали!» — с негодованием восклицает «Юманите».

Новые страшные вести приносят газеты в эти дни. Участились расправы с борцами за свободу в Алжире. В самой Франции г. Монлюк военные власти 30 июля казнили алжирского патриота Ланлифи.

Несмотря на телеграфное обращение главы Советского правительства к президенту де Голлю с призывом не допустить исполнения смертного приговора, преступление свершилось; алжирец Ланлифи умер на гильотине.

После расправы с Ланлифи гильотина по-прежнему высится в форте Монлюк: здесь ожидают казни трех других алжирцев. «Эта волна казней, осуществляемых, как и срыв переговоров в Мелёне, в угоду ультраколонизаторам, лишь еще глубже ввергает Францию в пропасть войны, осужденной ее народом», — пишет французская писательница Мадлен Риффо.

Французская общественность потрясена свершившимся. Большая группа известных деятелей французской культуры, в том числе писатели Франсуа Мориак, Луи Арагон, Жан-Поль Сартр и художник Пабло Пикассо, до последнего мгновения самоотверженно боролась за жизнь Ланлифи. Во Франции и во всем мире честные люди исполнены решимости добиться прекращения нечеловеческих расправ с алжирскими патриотами. Кровавый призрак гильотины должен исчезнуть!

В своей темнице Джамила знает, что она не одна, что за ее жизнь и свободу борются тысячи людей доброй воли. В своем письме к «Комитету в защиту Джамилы Бупаша» в Париже, посланном ею из тюрьмы, алжирская патриотка говорит:

«Дорогие друзья!

Бесконечно тронута вашей поддержкой, о которой мне рассказала адвокат Жизель Халими...

Когда палачи истязали меня, мне казалось, что мы более не принадлежим к роду человеческому.

Вы возвратили мне веру в справедливость.

Алжирский народ ведет борьбу многострадальную и трудную, но справедливую... Я борюсь в рядах Национального фронта освобождения Алжира, потому что верю в свободу и правду...

Сейчас, благодаря вам, я твердо знаю — надо надеяться. От всего сердца говорю вам: спасибо!

Ваш друг Джамила Бупаша».

(Статья адвоката Джамилы госпожи Жизели Халими публикуется на 4-й странице).

МОЛДАВИЯ СЕГОДНЯ

Сейчас в Молдавии насчитывается около 200 тысяч гектаров пустующих склонов холмов. Освоение их позволит ежегодно производить дополнительно до миллиона тонн винограда и фруктов. Бригадир виноградарей Василий Максимович Резниченко и секретарь парторганизации колхоза «Бирцинца» Георгий Федорович Маноли осматривают склоны, подготовленные для посадки виноградников.

ПРИТЧА О ПРОХОДИМЦАХ И ИХ РАДЕТЕЛЯХ

Леонид ЛУБАН

ПРОХОДИМЕЦ, если верить словарю Даля, очень емкое слово. Проходимцем народ называет проныру, хитрого плута, от которого ничто не уйдет. Люди, о которых пойдет речь, может быть, и не совсем подходят под такое определение. От них, правда, тоже «ничто не уйдет», но они не всегда уж так изворотливы и хитры. Пользуясь благодушием, а иной раз и покровительством тех, кто по своему положению должен разоблачать их, они почти всегда выходят сухими из воды. И даже с гордо поднятой головой, — да, мол, он будет и впредь вершить свои дела, невзирая на происки тех, кто пытался их разоблачать.

Есть такие «неуязвимые» проходимцы и в Акмолинске — растущей и хорошеющей столице целинного края. Сюда они прибыли не поднимать целину, не строить совхозы или управлять техникой, а снимать пенки, погуще и пожирнее.

И все же, надо сказать, путь их усеян не столько розами, сколько терниями. Нет, нелегко дается карьера.

Вот, например, Иван Степанович Горбенко. Первые неприятности он испытал еще в скромной должности завмага. Подотчетники проворовались, а его сняли с работы и... определили руководителем торговой базы облпотребсоюза. На новом месте он едва выпутался из махинаций своих сотрудников, отделавшись свежими пятнами на репутации и назначением на должность начальника снабжения завода Казахсельмаш — крупнейшего индустриального предприятия области.

Судьба и здесь донимала его. Не проработал он и года, как обнаружились нечистоплотные проделки с углем и стройматериалами. Кое-кого посадили. Ему же пришлось выслушать внушение и принимать дела управляющего Акмолинской металлобазы.

Большое это хозяйство, и неприятности выявились крупные. За полтора года правления Ивана Степановича жулики базы не только украли на 100 тысяч рублей фондового металла, предназначенного хлебоприемным пунктам, не только умудрились превратить трубы и кровельное железо в строительный лес, баранов, свиней и птицу, но и впутали в эти комбинации своего «доверчивого» руководителя. Еле отделался Иван Степанович от нависшей катастрофы условным осуждением суда и партийным выговором. Сняли его с работы и вручили бразды начальника снабжения Министерства совхозов Казахской ССР, которые он и держит сегодня в своих немозолистых руках.

ЗНАКОМИШЬСЯ с такой биографией и думаешь, что, пожалуй, самый опытный цирковой эквилибрист позавидует подобному умению подниматься вверх по ажурному канатику.

Правда, иногда срываются. Так, Иван Васильевич Дзюня уже пару месяцев без должности, да еще вынужден вести неприятные беседы со следователем. И все из-за мягкосердечия, объясняет он. Будучи директором кирпичного завода, не смог отказать тем, кто нуждался в кирпиче, но не имел нарядов. Записали ему тогда партийный выговор и назначили директором крупной базы автотранспорта. И здесь, пожалев нуждающихся в стройматериалах, старался не смотреть, как уплывали «налево» материальные ценности более чем на 120 тысяч рублей. И опять выговор, и опять отстранили от должности, и опять поручили возглавить ... на сей раз снабжение второго строительно-монтажного управления.

Выехав в Иркутск для руководства лесозаготовками, он сумел отправить множество вагонов со строительным лесом. И не только в адрес СМУ-2, но и всем тем, кто щедро и наличными расплачивался за нужный, но дефицитный в степных просторах материал.

И вот он на мели. Правда, предлагали несколько должностей, но не отвечают они склонностям Ивана Васильевича.

Видимо, не оперился еще по-настоящему Дзюня. Нет у него такой защитной броневой мощи, как, скажем, у Ибрагима Ахметовича Хасанова. Этот на мель не сядет, всегда выплывет. В Акмолинске все убедились, что поколебать деляческий авторитет и тем более служебное положение управляющего межобластной оптовой базы Казхозторга не легче, чем, скажем, сдвинуть с места Эйфелеву башню. На подобных попытках уже потерпели фиаско несколько судебных дел, насыщенные железобетонными фактами выводы солидных комиссий, фельетоны, корреспонденции, многочисленные коллективные и индивидуальные письма трудящихся, опубликованные областной газетой «Акмолинская правда».

Не без основания известную поговорку «как с гуся вода» акмолинцы перефразировали: «как с Хасанова разоблачения».

Одна особенность сопутствует всегда Ибрагиму Ахметовичу. На любом месте его руководящей деятельности создается обстановка, удивительно благоприятная для всякого, деликатно выражаясь, отрицательного элемента. Как мухи на мед, липнут любители легкой наживы к местам работы Хасанова и даже кое-где опутывают «самого» своей коварной паутиной.

Работал он начальником подсобных предприятий ОРСа Акмолинского отделения дороги. В 1947 году, выражаясь языком обвинительного заключения по делу о хищении 610 метров мануфактуры, «...признал себя виновным только в том, что он действительно по договоренности с Акоповым дал распоряжение Вагину составить подложную фактуру и что лично участвовал при отпуске мануфактуры Ингыкбаеву без соответствующих документов».

Хотя и делал он это, как объяснил, в интересах производства, но все же еле выпутался тогда из сетей 109-й статьи Уголовного кодекса и вынужден был перебраться в Облторг — руководителем общепита и отдела сельского хозяйства.

Прошло немного лет. Из определения уголовно-судебной коллегии облсуда (март 1953 года) мы узнаем, что Хасанов допускал «...преступно-халатное отношение к своим обязанностям и занимался злоупотреблением служебным положением». Определение рассказывает, что он способствовал расхищению в рыбхозе ценностей на 146 тысяч рублей и, кстати, сам «перебрал» рыбы и премиальных на шесть с лишним тысяч рублей. От приговора к двум годам лишения свободы выручила тогда Хасанова амнистия.

Пришлось перебраться... в кабинет директора Акмолинского горторга. Так сказать, скачок по служебной лестнице на несколько ступенек. И вот уже в 1957 году после солидной и многолетней критики в печати и на собраниях его новую деятельность горком партии отмечает строгим выговором «...за бесконечные растраты, за грубое нарушение принципов советской торговли, за попустительство жуликам и за махинации с мотоциклами».

Оскорбленный Хасанов уволился «по собственному желанию». И тут же приказом министра торговли республики был назначен на занимаемую и сегодня более высокую должность.

Она сделала его полновластным хозяином многих земных благ в межобластном масштабе: мебели, холодильников, мотоциклов, сервизов, электроприборов, стиральных машин, телевизоров, посуды, радиоприемников и т. д., и т. п.

Как истый новатор, Хасанов внес «новое» и в работу базы. Широко раскрылись складские двери и потекли из них дефицитные товары, минуя магазины, прямо в обители тех, на кого можно положиться или кто может пригодиться. Щедро раздавались ценности, которые государство выделяло труженикам совхозов, колхозов, строек, тем, кто героически добывает большой целинный хлеб.

У Хасанова и здесь верное, надежное окружение, неизменно шествующее за ним по служебному лабиринту. Люди близкие, опытные в ратных торговых делах. Правда, многие с весомым уголовным багажом, но...

Коварное дело — торговля. И на новом месте некоторые (Салихов, Камалов и др.) дискредитировали своего шефа кражей целого контейнера с товарами, распродажей стульев по спекулятивным ценам прямо на станции железной дороги, комбинациями с пересортицей, изрядными излишками (которые справедливо называют «нереализованными хищениями»). Хасанов сам помогал следователям разоблачать жуликов... после того, как они попадались с поличным.

Стремился он и улучшить быт своих сотрудников. Например, исхлопотал у торга разрешение купить старый домик в городском парке, на берегу Ишима, и отремонтировать его для жилья специалистов. Потом размахнулся шире — снес хибарку и на ее месте построил великолепный, в семь комнат, двадцать два окна, особняк со служебными пристройками, окруженный зеленью и высоким плотным забором. Не жалел сил и затрат Хасанов на эту ударную стройку. И дом, действительно, получился такой, что второго подобного в Акмолинске не сыщешь. Такой удобный и уютный, что сам управляющий въехал в него, отложив заботу о специалистах на будущее.

СНОВА над головой Хасанова сгущались тучи. Сначала шепотком, а потом все громче и явственнее шли в городе разговоры о темноватых делишках на базе. Имя управляющего все чаще попадалось в неблаговидных спряжениях. Образованная горкомом партии комиссия, во главе с зав. горфинотделом Ф. М. Дороган, погрязла в хаосе дел и отчетов. И вот перед нами акт комиссии из тринадцати пунктов с выводами, предложениями и приложениями на 79 страницах. Акт, или, вернее, детективная эпопея о беззакониях, стяжательстве, мошенничествах, воровстве, растратах, злоупотреблениях.

Эта эпопея 8 января получила отражение в большом, на четыре колонки, фельетоне «Акмолинской правды», озаглавленном «Шайка «Хасанов и К°». 11 февраля выводы комиссии и два газетных фельетона обсуждались бюро горкома партии.

Бюро горкома «...за систематические, грубые нарушения принципов советской торговли, за злоупотребление служебным положением в целях личной наживы, за грубейшее нарушение принципа подбора и расстановки кадров, крупные хищения государственных средств» вынесло Хасанову строгий выговор с предупреждением, с занесением в учетную карточку и постановило снять его с работы с запрещением работать в торговых организациях.

Через два дня это решение было опубликовано областной газетой.

И вот 13 мая, через четыре месяца, мы прочли в той же газете, что некоторые факты фельетона «считаются неподтвердившимися», что решение бюро горкома отменено и Хасанову объявлен выговор.

Отделавшись легким испугом, Хасанов вновь вышел сухим из грязной воды. С торжествующим лицом победителя, самоуверенный и наглый, опустился он поглубже в облюбованное кресло.

В чем же дело? Какие могущественные радетели и какими путями выручили из этой скандальной эпопеи явного проходимца, темного дельца, не посчитавшись ни с государственными интересами, ни с авторитетом целых организаций, ни с голосом общественности?

Право же, не Хасанов волнует нас в этой истории. Конец хасановской эпопеи на базе Казхозторга ясен и предрешен. Речь идет о другом — о его защитниках, о тех радетелях, благодаря которым вольготно и спокойно растут в нашем чудесном советском саду сорняки, подобные Хасанову, Дзюне и т. п.

Одни их выкашивают, а другие любовно пересаживают на соседний участок, где лучше почва, где больше тепла, где они еще опаснее и вреднее.

Пора в этом деле разобраться по-настоящему.

АКМОЛИНСК

Три жизни

(Продолжение. Начало на 1-й стр.)

Чуне. Два бревна на воду, мать, меня посадят и поехали.

Потом мы осели на реке Бирюсе. Там отца уважали. Он гонял плоты вплоть до Ангары и набирал с собой самых отчаянных ребят.

Однажды меня взял с собой. Ходить по Бирюсе жутко и интересно. Завалы, пороги, чуть что — вдребезги разнесет. А потом Ангару я первый раз увидел. Большая зеленоватая, полная неба. Текла она куда-то к неизвестным землям, городам. Нерастраченная, нерасплеснутая, играя холодной — в голубых жилах — силой. И впервые мне захотелось двинуться вместе с ней, довериться, приложить душу к душе и плыть до бесконечности. Ведь жизнь-то ждала меня там, ждала, я знал! А что я до этого видел: на лампочку электрическую дул, все потушить хотел.

О ДЕТСТВЕ

НЕ ПОДСУНУЛИ воспитывать сестренку. Куда сам, туда и она. Лезу в чужой огород, ее на забор сажаю. Смотри да учись. А тут ловить нас начнут, я-то сбегу, а Галку найдут. Ага, знают, и Борька Гайнулин был тут. Еще хорошо запомнил, что весь третий класс я по субботам в углу стоял. За то, что не хотел петь. Не знаю, но почему-то петь я стыдился. Первый раз меня спросили: «Ну, будешь петь или нет? Ну иди тогда в угол». А потом каждую субботу я уже сам вставал сразу. Так и говорили: «Не будешь петь? Иди на свое место».

Пятых, шестых и седьмых классов у нас не было, мы учились и жили в селе Шелаево, километров за тридцать пять. Там мы стояли на квартире с дружком моим Васькой. Раз он мне говорит:

— А ты не уйдешь ночью домой!

— Уйду. Вот ты не уйдешь!

— И я уйду.

И оба пошли. Так сказать, для воспитания силы воли. Выбрались в лес часов в двенадцать ночи. Темно. А мы шагаем. Лес поджимает с боков дорогу, словно хочет раздавить. Васька шепчет:

— Не страшно?

— Нет. А тебе?

— А мне жутковато.

Наверху звезды каплями висят. А потом их словно белым полотенцем сотрут. А в лесу еще темно. И мы идем. Только под утро мы дома. И еще я запомнил одно утро. Отец разбудил меня затемно и положил на стул новый ватник.

— Вот, сынок, будешь, значит, со мной. В леспромхозе работать будешь.

МОЯ ЮНОСТЬ

НЕСКОЛЬКО раз посылали в Чуну за деньгами для рабочих. Меня и Ваську. Он здоров был. Транспорта и тары особой не было, и, получив зарплату в банке, мы везли ее в мешках, в рабочем поезде, а затем на попутных. Чтобы никто не узнал, что у нас деньги, мешки выбирали мы старые, с заплатами, а туда еще накладывали всяких железок. Бросим кое-как на полку и вроде бы не обращаем внимания. А сами во все глаза. Да попробуй кто сунуться, мы бы насмерть бились тогда. Ведь своим же везли, видели небось, как ждут рабочие семьи этих самых денег...

НАВСЕГДА ИЗ ДОМА

— НЕ БУДУ. Не хочу, не останусь. Ясно?

Был сентябрь пятьдесят седьмого года. Я приехал с твердым намерением уехать куда-либо на строительство. Узнал, что в райкоме есть путевки на Казахстанскую Магнитку. Не дали. И вообще не снимают с комсомольского учета.

— Подождите. Вот будет комсомольская конференция, пошлем вас работать в общества ДОСААФ. Хотите?

— Не хочу!

Вышел — мешок под мышку, и в Тайшет. Таким образом, я нарушил комсомольскую дисциплину.

Куда ехал? Не знаю. Просто ждал поезда «куда пойдет». Все равно надо ехать. Работа кругом!

Смотрю, на вокзале вроде знакомое лицо.

— Куда едешь?

— В ваш леспромхоз.

— Откуда?

— Из Братска. Не устроился. Мест нету, жилья тоже... Дрянь.

Я не понял.

— Езжай, на своей шкуре поймешь!

Я купил билет до Братска.

Есть такая история. Стоит кум и шестом по реке шарит. Спрашивают его: «Ты что, кум, ищешь?»

— Кума утонула.

— Так чего же ты наверху ищешь, ее же вниз унесло?

— О! Вы не знаете моей кумы. Она и мертвая против течения поплывет!

Так и я — против.

БРАТСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

В БРАТСКЕ оказался у меня какой-то дальний родственник. Увидел я его на станции. Смотрю, знакомая спина. Я за ней. Она уходит. Я вслед, а она опять куда-то... Побежал. Петр.

— Как, ты здесь? — это он меня спрашивает.

— Да, здесь.

Прожил я у них недели две. Он работал шофером, жена кассиром на станции. Он все агитировал:

— Машина! Это же чудо! А там поработаешь год-два у нас в гараже, может, даже шофером станешь! А? И с нами живи.

— Это понятно... А еще где тут?

— Где-где... Демобилизованные в котлован идут землю копать... А у нас — машины. Ну?

— Знаешь, Петр, мне что-то в котлован захотелось.

Я скорее в Братск-второй, в райком партии.

— Что? Откуда? Как? — Все у меня выспросили. И вдруг говорят:

— Да что котлован! Там сейчас ничего нет. Воду черпают да скалы рубят. Мокнуть будете, камни таскать. А мы вам работенку комсомольскую дадим, ну?

— Хочу в котлован.

Потом в горкоме.

— Куда?

— Куда хошь! Я специалист по всем направлениям!

— Мы бы рекомендовали в бурильщики. Трудная работа. Перфоратор тяжелый, ну, да вы тридцать два килограмма подымете?

— Подыму.

— Пишите заявление.

И в ночь на девятое декабря я вышел на работу. Вышел парадно, надел свое, морское, после службы на флоте я его берег.

Однажды старший прораб Парфенков сказал, проходя:

— Забеги сейчас в канцелярию. — И потом: — Ты догадываешься, зачем тебя?

— Нет.

— Ну вот! А еще говорят, сообразителен и ловок! Наврали все! — И сердито, сухо сообщил, разглядывая меня: — Будешь бригадиром, понятно? Есть бригада у нас одна, и хлопцы хорошие, да не получается ничего. Сейчас они готовят ряжи на малую эстакаду.

— Не знаю, не пробовал я.

— Попробуешь.

И опять он оглядел меня придирчиво и недовольно. Утром меня повели туда.

— Вот вам новый бригадир.

КАК МЫ НАЧИНАЛИ

БОРИСА привели утром, когда вся бригада курила перед работой. Парфенков коротко сказал:

— Вот вам бригадир. С этого дня...

Все остались сидеть. Никто ни слова прорабу не сказал. Оглядели новичка. Внушительный детина. Спокоен. Даже чего-то веселится.

Сказали, когда прораб ушел:

— Нам не бригадиров нужно, нам работу!

— Ну новый так новый, вот только надолго ли?

— Чего же с нами-то не советуются? Мы ведь не диабаз-камень, а люди!

— А... Мало ли их меняется, нам один хрен работать!

Борис снял телогрейку.

— Ну что ж, так давайте!

И ухватил первый камень. Работал он с открытым воротом, откуда торчала матросская тельняшка. За смену не сказал ничего, никому не приказывал, только принес свой перфоратор и стал учить им пользоваться Федора. Когда ушел, в бригаде заговорили:

— Ничего?

— Посмотрим...

— А вообще, ничего!

И на следующий день его в перекур как бы невзначай позвали. Панченко хитровато посмотрел на Козмирчука и сказал:

— Ты о себе, Гайнулин, что ли, расскажи, вот нам интересно... Все-таки бригада должна знать своего бригадира. Не так разве?

И все почему-то засмеялись.

БОЙ В КЛУБЕ

— ВОТ и МНЕ любопытно, что у вас некоторые с синяками ходят? — спросил Борис, покосившись на Стасика Желаго.

— Бьют нас, — сказал Панченко, прямо посмотрев в глаза Борису.

— Кто? Эти?

— Да. Бывшие ЗК, тут их целая шайка. Черт знает, где они работают, но нашему брату прохода от них нет. По одному ловят.

— А если мы их?

— Мало мы друг с другом, спайки нет такой.

— Давай попробуем. В субботу всем смело идти в клуб, и если что...

Ребята зашумели:

— Да что, братцы, мы же сила! Да мы, если бы захотели...

Так и порешили.

Стасика окружили около клуба. Не успел пикнуть, как на нем повисло трое ребят. Четвертый и пятый стояли рядом. Гриша рванулся на помощь, потянул одного за ворот и увидел, что его окружают. Он уперся спиной в стенку, встал рядом со Стасиком. А уже бежал Леша Рязанов, татарин, расстегивая на ходу ремень. Он был мал ростом, и его сразу не заметили. И тут же он резанул наотмашь тяжелой бляхой. Один из нападающих схватился за голову. Второму железка попала в лицо, из щеки брызнула кровь. Бандиты повернулись и бросились на него. И сразу как-то похоронили под собой. Стасик снова налетел, расшвырял черную кашу и, подхватывая товарища, начал отступать. А уже Гриша бежал в общежитие:

— Братцы! Бьют! Наших! У клуба!

Галстуки, ремазки и сорочки были отброшены. Три десятка разъяренных ребят бежало к клубу.

Панченко кричал:

— Перекройте все выходы! Чтобы ни один!..

И, заглядывая в коридор, сказал:

— Все тут? Выходи на свет, мы хотим поглядеть, какие вы тут!

Кто-то кричал визгливо и противно:

— Только не бейте! Не бейте! Не бейте!

Подъехала разбираться милиция.

СЕСТРЕНКА

А НОВЫЙ ГОД к Борису вдруг приехала сестра. Борис спал после смены. Он протер глаза и спросил:

— Ты или не ты?

— Я.

Галя от радости засмеялась и начала разворачивать вещи.

— Ой, Боря, что я тебе привезла...

Тот все сидел на койке.

— Ты совсем?

— Ага!

— А жить где будешь? Я же писал, пока не устроюсь...

Он говорил сердито, но он был рад до чертиков. Галка, Галочка, сестренка моя маленькая! Какая же ты тоненькая, как та сосеночка на мысе Турсей. Будет весна, я тебя туда обязательно свожу. Сосна растет прямо из скалы. И говорят, скала та, черная и угрюмая, с первым теплом в мае становится молочно-голубой, как твои глаза, от миллионов крошечных незабудок. Я тебя непременно туда свожу, Галка! Ты ведь любишь голубые цветы? А там еще много синего неба, и Ангару можно взять руками. И еще оттуда наш котлован видно, такой, что можно положить на ладонь. Ты хочешь у нас работать? А у тебя еще косички и много-много веснушек... Галинка, ты не сердись на меня, мы все здесь с виду черны и каменны, как та скала над Ангарой, но у всех у нас душа... Я ведь думал о тебе, всегда думал, сестреночка!

— В котлован пока нечего. Девчонок туда не берут. Поживи так, — грубовато сказал Борис. — Жить будешь здесь, спать со мной посменно. Ясно?

И Галка осталась жить.

Каждый день приходили со смены ребята — темные, притихшие и на три-четыре сантиметра ниже ростом. Если они работали в первую смену, то, полежав полтора часа, они оживали, лили холодную воду на голову и шли в учкомбинат на танцы. Если работали во вторую, то спали вплоть до следующей работы, то есть до обеда. Первая смена давала время, вторая — отдых.

Деньги вылетели как-то чересчур быстро на консервы и столовую. На обед Боря брал столько, что бумажную ленту из кассы семнадцатой столовой ему хватало два раза обернуть вокруг себя. Чтобы как-то рассчитать до конца зарплаты, деньги клали под матрац во всю длину постели и брали, начиная с головы. Обычно до ног доходили раньше, чем до следующей получки.

На работу шли по Енисейской, плечо в плечо, и казалось, что прямая многокилометровая улица темнеет, становится сизоватой от множества рабочих телогреек. Борис с друзьями исчезал в этом волнистом потоке, который тек к Ангаре. Галя каждый день выходила провожать брата. И понемногу начала хозяйничать. Сварила макароны с тушенкой. Нашла под койкой и постирала черные от пота майки и носки. Ватник и верхонки у Бориса рвались каждый день. Материя на верхонках от влаги и диабазовой пыли была, как броня, и Борис сперва протыкал шилом дырки, а потом она уже шила.

Все чаще слышалось, как в комнате говорили ей:

— Сестренка!

(Продолжение следует)

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

СТАЛИНАБАД

Семь дней гостили в Таджикистане писатели братской Туркмении. Они выступали с творческими отчетами перед читателями, знакомились с жизнью республики.

Взволнованно обсуждались в Союзе писателей Таджикистана вопросы современности и мастерства в туркменской и таджикской литературах. В обсуждении приняли участие: Мирзо Турсун-заде, Мирсаид Миршакар, Фатех Ниязи, Абдусалом Дехоти и их туркменские друзья: Гусейн Мухтаров, Аллаберды Хандов, Валентин Рыбин, Мамед Сеидов.

Своеобразным творческим отчетом писателей двух республик явились их выступления в Таджикском государственном университете и Сталинабадском педагогическом институте, в коллективах рабочих Курган-Тюбе и Ленинабада, в колхозах.

К неделе туркменской литературы Таджикгосиздат выпустил в свет на таджикском языке антологию туркменской поэзии, книги Б. Кербабаева «Айсолтан из страны белого золота», Б. Сейтакова «Братья», А. Каушутова «У подножья Копет-Дага» и другие.

Осенью намечается провести в Таджикистане декаду русской литературы, а в 1961 году — недели киргизской и украинской литератур.

ТАШКЕНТ

Бывает в жизни хлопкоробов такая горячая пора, когда приходится работать и днем, и ночью, не считаясь ни со временем, ни с отдыхом. В июле и августе идет борьба за жизнь каждого куста хлопчатника.

Именно в это время в прошлом году родилась идея поездок писательских бригад на колхозные поля. Ведь сколько примеров героического труда простых советских людей можно наблюдать здесь в этот период!

Вот и этим летом четыре бригады выехали в крупнейшие области республики — Ташкентскую, Самаркандскую, Бухарскую и Ферганскую. На днях газета «Узбекистан» опубликовала литературную страницу «Писатели на колхозных полях». Здесь — очерк Р. Файзи о людях колхоза «Ленинизм», зарисовка Мирмухсина «Дети Чирчика», стихи С. Акбари, Н. Ахунди и других.

Хорошая традиция установилась у литераторов Узбекистана!

Рисунок М. Бренайзена

В КОНЦЕ тридцатых годов я впервые услышал от Евгения Петрова имя известного польского комедийного актера Адольфа Дымши. Мы беседовали в редакции «Литературной газеты».

Живой и общительный, стремившийся быть «на людях», Евгений Петрович приходил в редакцию раньше всех и тотчас принимался за дела. Случайно мы заговорили о кинокомедии.

— Почему вы не инсценировали для экрана «Двенадцать стульев»? — спросил я.

— Фильм сделали без нас — в Польше. Когда мы с Ильфом были в Варшаве, нам показали его. Единственное, что нам понравилось и запомнилось, — это Дымша. Он играл Остапа Бендера...

Петров охотно говорил о талантливом актере, создавшем образ «великого комбинатора».

— Дымша очень популярен у поляков. Они присвоили ему ласковую кличку — Додек.

ИЛЬФ, ПЕТРОВ И ДЫМША

...Прошли годы. Давно нет Польши Пилсудского, где провели несколько дней Ильф и Петров. Советские люди познакомились с искусством народной Польши, полюбили его лучших представителей, в том числе и Адольфа Дымшу. Фильмы с его участием идут на наших экранах. Зрители помнят «Антека-полицейского», «Мое сокровище», «Ирена, домой!», «Необыкновенную карьеру Никодима Дызмы» и «Дело, которое нужно уладить»,— в этом фильме Дымша исполняет восемь ролей.

Недавно Адольф Дымша выступал в Москве. Он приехал сюда с варшавским театром «Сирена».

— Помните ли вы советских писателей Ильфа и Петрова? — спрашиваем Дымшу.

— Разве можно забыть таких замечательных людей! — отвечает Дымша, неплохо владеющий русским языком.

— Евгений Петров однажды сказал мне, что ваша трактовка Остапа Бендера понравилась ему и Ильфу...

— Они и мне говорили об этом. Но фильм получился много хуже романа. Впрочем, так почти всегда бывает с инсценировкой литературных произведений. Постановкой «Двенадцати стульев» занималось польское ателье «Фаланга» совместно с чешской кинофирмой. Ставил режиссер Михаил Вашинский. Съемки морских пейзажей производились в Гдыне, но больше снимали в Варшаве и ее пригородах. Подбор актеров не радовал меня, исполнителя главной роли... Все же фильм шел на экранах много лет, пользовался успехом. И вот недавно, спустя четверть века, его снова показывали у нас по телевидению. Но вернемся к Ильфу и Петрову. Приезд советских писателей, да еще таких популярных, в панскую Польшу явился событием. Каждый час их пребывания был расписан. Однако мне удалось завлечь их в театр миниатюр «Морске око» («Морской глаз»). Я выступал тогда в очень смешном скетче, по ходу действия исполнял куплеты, песенки, танцевал, острил. Ильфу и Петрову понравился мой «номер».

На другой вечер, выйдя на сцену, я увидел в переполненном зале стоявших у стены Ильфа и Петрова. В знак приветствия я повернулся к ним и тихонько свистнул. Петров ответил тем же.

Уловив недоумение зрителей, я обратился к публике:

— Это я пересвистываюсь с нашими дорогими гостями, знаменитыми советскими писателями, авторами книги «Двенадцать стульев» Ильфом и Петровым.

Ну, и аплодировали же в тот вечер! Ведь их книгу издали в Польше. Ильф упирался, но пришлось все же ему с Петровым выйти на сцену.

— Как жаль, — говорит артист, — что теперь, когда я стал гостем москвичей, среди них нет Ильфа и Петрова. Они порадовались бы, что их старый знакомый Додек стал гражданином народной Польши.

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

ОБЕЩАНИЕ

Т. ТРИФОНОВА

Более сорока лет тому назад, когда великий почин первого коммунистического субботника был подхвачен по всей стране, В. И. Ленин писал, что задача построения социализма «не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и будничной работы».

В первый год великого семилетия развернулась замечательная инициатива советского рабочего класса: возникли многочисленные бригады молодых рабочих, решивших не только трудиться, но и учиться жить по-коммунистически: возник замечательный почин Валентины Гагановой, подхваченный не только на заводах и фабриках, но и в колхозах и совхозах страны.

Однако об этих замечательных делах у нас еще, кажется, нет книги, нет даже сколько-нибудь значительных очерков о бригадах коммунистического труда... Лишь недавно появилась небольшая документальная повесть Бориса Полевого о Валентине Гагановой. Несмотря на некоторую хроникальность, повесть эта содержит много интересного. И прежде всего она убедительно говорит о главном принципе социалистической морали: «Человек человеку — друг». В этом заглавии повести заключена ее основная идея, развивающая и углубляющая дорогую Б. Полевому мысль о советском «настоящем человеке».

Полевой не напрасно рассказывает о детстве своей молодой героини. Точно так, как помогала она матери, когда в годы войны осиротела семья; точно так, как брала на свои плечи тяжелый крестьянский труд, чтобы отпустить брата на учебу и помочь ему приобрести трудовую профессию, — точно так же и в большой рабочей семье, на фабрике, Валентина Гаганова, когда было нужно, сознательно шла навстречу трудностям.

Настоящим человеком в дни войны был Алексей Мересьев. Настоящим человеком был комиссар Воробьев. Настоящие люди мирных дней — это люди, подобные Валентине Гагановой.

Но человек, как известно, формируется постепенно, и коммунистический человек создается постепенно, в самом процессе построения коммунизма.

Об этом и написан роман И. Горелика «Обещание».

Произведение чрезвычайно современное, и не только своей общей направленностью, но и теми конкретными проблемами, которые в нем ставятся: в наши дни, когда идет борьба не за единичные высокие показатели, а за всеобщий подъем производительности труда, особенно нетерпимы крикливая шумиха и искусственное раздувание успеха одного в ущерб и умаление успехов коллектива. А именно такая шумиха разгорается вокруг героя романа — Сергея Шелавина, именно его возвеличивают, оставляя в тени не менее достойных его товарищей.

Мне кажется очень важным то, что Сергей Шелавин — это не какой-то ущербный себялюбец, заранее наделенный недостатками и противоречиями и словно самой природой предназначенный стать персонажем «со всячинкой», а очень хороший, трудолюбивый и честный парень, воспитанный в крепких рабочих традициях. Вместе со своими друзьями-сменщиками, сталеварами Полосухиным и Коробковым он стал тщательней и добросовестней работать. Результат получился непредвиденный: хотя он твердо знал, что ни он, ни его сменщики никаких технических новшеств не вводили, мартен стал служить без ремонта дольше обычного срока и выплавка стали намного увеличилась.

И тут возникает неожиданная для Сергея и его друзей «кампания». Сначала речь идет о большой статье в многотиражке, потом приходит поздравительная телеграмма из министерства, потом все чаще и чаще начинает звучать слово «метод», к которому вскоре присоединяется лестный эпитет: «шелавинский». И уже Полосухин и Коробков остаются в стороне, и один Шелавин оказывается «именинником». Почему?

И. Горелика давно интересуют этические проблемы, связанные с новым, социалистическим качеством труда. В своих очерках он не раз показывал, как «честь мундира» и погоня за «показателями» толкают хороших работников на маленькие, не очень заметные, но все же сделки со своей совестью.

В нашей прозе не раз и в разных вариантах поднимался вопрос о пагубном влиянии неумеренно раздутой славы. Но чаще всего эти явления изображались либо как легко устранимые (например, в «Журбиных» В. Кочетова), либо как следствие неверного подхода руководителей к выдвижению молодых кадров (в «Ненужной славе» С. Воронина), либо как результат неумеренного честолюбия самого героя («Дым в глаза» А. Гладилина). Само же разлагающее влияние «рекордсменства» на внутренний мир, на моральный облик незаслуженно прославленного человека, равно как и вредное влияние «показухи» на весь коллектив почти не раскрывались. И та широта, с какой об этом пишет И. Горелик, составляет одно из неоспоримых достоинств его романа.

Писатель пристально всматривается в переживания Сергея Шелавина, человека совсем не суетного, не честолюбивого, лишь постепенно попадающего под гипнотическое воздействие успеха. И вот уже он начинает оберегать свою преувеличенную славу, которую сам недавно считал незаслуженной.

Но кто же виноват в том, что произошло? Виноваты многие. Прежде всего главный сталеплавильщик, пользующийся успехом Шелавина для того, чтобы погреться в лучах его славы и, объявив его своим учеником, повысить себе цену на заводе и в главке. Умный и по-своему вкрадчиво обаятельный, он умеет найти пути к сердцу молодого и неискушенного парня. Затем председатель завкома — честный, но недалекий и бесцветный человек, простодушно радующийся тому, что рабочий с его завода прославился. А парторг, сначала предостерегавший Шелавина от головокружения, не сумел вовремя противодействовать начавшейся шумихе... Наконец, повинен и весь коллектив, в том числе Полосухин и Коробков: уж они-то знали, что, работая вместе с Шелавиным, не создали никакого нового метода! Однако выступить они не решились, — как бы не показаться обиженными и завистливыми...

И. Горелик стремится обнажить все влияния, которые испытывает его герой, все сомнения, которые его порой одолевают, все ошибки, которые он совершает. И борьба за Сергея Шелавина, за то, чтобы он не только оставался прежним хорошим парнем, но и становился лучше, умнее, серьезнее, взрослее, — это борьба, в которую вступают и парторг завода, и обер-мастер Лазукин, обладающий в равной мере развитыми чувствами рабочей гордости и рабочей скромности, и жена Сергея — Таня, и старик Ерохин, и, наконец, по-прежнему влюбленный в Таню Полосухин.

Роман будит мысль, он читается с интересом. Но иногда невольно досадуешь, что писатель, умевший так сжато и точно передавать главное в своих отличных очерках, соблазняется просторными рамками романа и начинает рассказывать о малозначительных бытовых и производственных подробностях или пространно разъяснять то, что читатель должен был понять и почувствовать из короткой реплики персонажа или из самого сюжета.

Многословие, нередко появляющееся в романе (например, в описании московской гостиницы или поездки к Ерохину, да и в ряде других эпизодов), иногда сочетается с какой-то непонятной скованностью, особенно там, где речь идет об эмоциональной жизни героев. Писатель словно боится дать простор человеческим чувствам и, вместо того чтобы проследить развитие этих чувств, порой ограничивается констатацией уже изменившихся отношений. От этого интересные и в целом удавшиеся образы Тани, матери, да и самого Сергея теряют в эмоциональной выразительности.

Там, где появляется многословие, неизбежно возникают и случайные, необязательные, невыразительные слова и описательность, иной раз заменяющая живое развитие действия. Можно привести немало примеров, когда И. Горелик, спеша высказать мысль, недостаточно требовательно выбирает слово и не ищет для нее сжатой и яркой формы... Впрочем, в какой-то степени это относится и к документальной повести В. Полевого. И не только к ней.

Слишком часто произведения, посвященные самым важным, интересным и волнующим современным вопросам и рассказывающие о подлинных героях наших дней, пишутся так, будто внимание писателя обращено только на поиски нового материала. Между тем, как об этом хорошо сказал К. Федин на последнем писательском съезде, «новый материал жизни рвет былые каноны литературной формы, требует себе новой одежды», и, «преподнося для чтения свою очередную книгу новатору производства атомных двигателей», писатель «не может забывать об обязанности искать новые средства художественности». И прежде всего искать экономной точности слова, лаконичной выразительности стиля, увлекательной свежести сюжета, глубокой убедительности психологического рисунка. Без новаторских поисков в области формы поэзия нашей жизни не становится поэзией большого искусства.

Вот почему интересный роман И. Горелика, и не только он, при всей важности поднятых пластов современной жизни все же оставляет нас неудовлетворенными. Это пока что — обещание. Обещание более ярких, более совершенных книг, которых ждет читатель.

И. Горелик. «Обещание». Роман. Издательство «Советский писатель», 1960.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите через Вашу газету принести горячую благодарность всем лицам и организациям, поздравившим меня с 50-летием и присвоением мне почетного звания народного поэта Азербайджана.

Расул РЗА

Павел БОЦУ

Пляска

Ритм учащается,
Скрипка бунтует,
Дайте взглянуть
На плясунью такую!
Бьют каблучки
Все быстрее, быстрее,
Яркие ленты
На косах пестреют.
Хочет платок
Улететь, словно птица,
Жалобно стонут,
Скрипят половицы.
Пляшет и свет,
Он везде —
На кулисах,
На потолке,
На сапожках,
На лицах,
Длинными нитями
Падает косо,
Мелкими блестками
Крутится в косах.
С каждой минутой
Стремительней танец.
Что ж ты, скрипач,
Неужели отстанешь?
Поторопись
За плясуньею нашей.
Видишь,
Рукою тебе она машет.
Бьют каблучки
Все быстрее, быстрее,
Ну-ка, девчата,
Кто так же сумеет?
Вот так плясунья!
Плясунья на диво!
Словно огонь,
И легка, и красива.
В таборе пыльном
Плясала цыганка,
В клубе теперь
Раскрасавица Ханка
Весело ходит
По сцене кругами,
Здесь у ней почва
Тверда под ногами.

Перевел с молдавского Всеволод РЕВИК

Валентин РОШКА

О, люди...

О, люди, к вам иду!.. Накоротке
Хочу быть с вами в самом же начале.
Я не могу восторги и печали
Хранить в своей душе, как в тайнике.
Я душу не оставлю на замке,
Как лодку оставляют на причале, —
Хочу, чтоб душу волны раскачали
И плыть ее пустили по реке.
В земные ваши радости и в горе
Хочу войти, как речка входит в море,
И ничего от вас не утаю.
Я временами с грустью замечаю,
Как много сам от вас я получаю
И как вам мало, люди, отдаю.

Перевел с молдавского Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

МОЛДАВИЯ СЕГОДНЯ

Феня Самохвалова, закройщица Тираспольской швейной фабрики имени 40-летия ВЛКСМ.

Ее жизнь — это жизнь многих девушек и юношей Советской Молдавии. Феня — передовик производства и активная общественница. После рабочего дня ее можно видеть в клубе, на репетициях хора или танцевального коллектива. А осенью, с началом занятий, она будет продолжать учебу в техникуме легкой промышленности...

Фото А. Князева

ВЫШЛИ В СВЕТ...

Буков Е. Избранные стихи и поэмы. Перевод с молдавского. Предисловие Е. Златовой. Гослитиздат. 311 стр. 4 000 экз. 7 руб. 80 коп.

Главан З. Слово о сыновьях. Для детей. Литературная запись К. Сушкова. 2-е доработанное издание. Кишинев. «Картя молдовеняскэ». 160 стр. 20 000 экз. 3 руб. 25 коп.

Дидык П. В тылу врага. Документальная повесть. Предисловие П. Вершигоры. Кишинев. «Картя молдовеняскэ», 211 стр. 150 000 экз. 4 руб. 85 коп.

Дюбин В. Шторм. Роман. Кишинев. «Картя молдовеняскэ». 355 стр. 15 000 экз. 6 руб. 85 коп.

Копылов Е. Уходящие тени. Сатирические стихи. Кишинев. «Картя молдовеняскэ». 64 стр. 25 000 экз. 1 руб. 80 коп.

Кочетков В. Стихи. Кишинев. «Картя молдовеняскэ». 68 стр. 3 000 экз. 2 руб.

Перов Г. Фамильное сходство. Сатирические и юмористические стихи. Кишинев. «Картя молдовеняскэ». 64 стр. 25 000 экз. 75 коп.

Пономарь Ф. Стихи. Перевод с молдавского. Кишинев. «Картя молдовеняскэ». 48 стр. 3 000 экз. 2 руб.

Наши публикации

ОНИ БОЯЛИСЬ...

«Документ — это не только памятник жизни, он ее сгусток, он — сама жизнь, и притом яркая...» Эти слова Мариэтты Шагинян невольно вспоминаешь, читая новые архивные документы об А. П. Чехове, недавно найденные в Центральном государственном историческом архиве СССР (ЦГИАМ).

Эти архивные документы и извлеченные из хранилищ материалы печати отражают настроение русского общества в тяжелые минуты утраты, когда были получены известия о кончине писателя. Демократическая общественность переживала смерть Чехова, как потерю дорогого и близкого человека. Правящие круги были полны суетливого смятения и страха: как бы сама смерть великого гуманиста не обратилась против них. Они делали все, лишь бы отгородить народ от писателя, лишь бы не дать общественности выразить свою скорбь и достойно проводить А. П. Чехова в последний путь.

Когда читаешь буржуазные газеты различных оттенков, создается впечатление, что большинство официальных газет в те дни, как по команде, писало о чем угодно, только не о Чехове, не о его вкладе в русскую литературу. Чехову отводилось, как правило, незначительное число строк на второстепенных полосах. Об организации похорон информация вообще почти отсутствовала. Более того, были, например, приняты меры, чтобы держать народ в неведении о дне и часе прибытия гроба с телом писателя из Баденвейлера (Германия), куда он незадолго перед смертью выехал на лечение.

8 (21) июля на Варшавском вокзале в Петербурге сразу по прибытии поезда О. Л. Чехову спросили: «Как это случилось? Почему не давали знать? Почему не телеграфировали?» И тут выяснилось, что она с дороги отправила в Петербург несколько телеграмм частным лицам и непосредственно на станцию. И все-таки в Петербурге люди не знали о дне и часе прибытия поезда. Ясно — рука властей не пропускала телеграммы.

Но постигшее горе было слишком велико, чтобы не перешагнуть барьер, сооруженный властями. В редакции либеральных изданий поступало множество писем с выражением любви и скорби. Например, в редакцию журнала «Русская мысль» непрерывно поступали письма, телеграммы, венки. Лев Николаевич Толстой сказал корреспонденту «Руси»: «...Смерть Чехова — большая потеря для нас, тем более, что кроме несравненного художника, мы лишились в нем прелестного, искреннего и честного человека»...

Царским властям в Петербурге в какой-то степени удалось держать общественность в неведении о часе прибытия гроба с телом А. П. Чехова. Ольга Леонардовна сразу заметила враждебность властей и тут же на вокзале попросила: «Ради бога, скорее в Москву». Об этом сообщали «Новости» и «Биржевая газета».

А В ЭТО время московский обер-полицеймейстер Трепов, по словам Ленина, «один из наиболее ненавидимых всей Россией слуг царизма, прославившийся в Москве своей свирепостью, грубостью...», был занят тем же, что и петербургские власти.

Перед нами — не очень объемистое дело в синей обложке. Оно только что вынуто из аккуратной коробки руками ответственной хранительницы Анны Алексеевны Пожарской, можно сказать, ветерана своего дела. Вглядываемся в обложку и видим, что дело заведено московской охранкой в 1896 году, и по его названию невозможно догадаться, что в нем заключены документы об А. П. Чехове. Оказывается, небрежная рука какого-то чиновника охранки подшила в него относящиеся к Чехову документы 1904—1905 гг.

Рассматривая документы, читая и сличая их с другими материалами, узнаем, что вся общественность Москвы, где жили тогда Горький и Толстой, Станиславский и Немирович-Данченко, Шаляпин и другие видные представители русской культуры, ждала прибытия поезда с гробом Антона Павловича.

А московская охранка спешно собирала сведения о лицах, принимавших участие в подготовке похорон или вообще имевших к этому отношение. Был составлен список, в котором значилось 68 человек, в том числе:

...«(Горький Максим) Пешков Алексей Максимович, мещанин, писатель»...

...«Гиляровский Владимир Алексеевич, сын чиновника»...

...«Мамин-Сибиряк Дмитрий Митрофанович, литератор...»

...«Немирович-Данченко Владимир Иванович, дворянин, литератор»... И другие.

Охранка разрабатывала маршрут следования траурной процессии по Москве. Он дважды пересматривался (7 и 8 июля) и представлялся Трепову на исправление и утверждение. Из маршрута рукою Трепова был вычеркнут ряд переулков и улиц, которые, на его взгляд, не внушали доверия и не отвечали полицейским интересам. По распоряжению Трепова, с маршрутом ознакомили даже владельца похоронного бюро, от доверенного которого отобрали такую подписку: «...Я обязуюсь следовать с телом покойного Чехова при похоронной процессии по г. Москве по прилагаемому при сем маршруту и иметь повозки для перевозки цветов...»

Подготовка властями маршрута похоронной процессии была лишь одной из мер, преследующих цель устранить участие народа в похоронах. Власти боялись превращения похорон в политическую демонстрацию.

Другой мерой, предпринятой в этом направлении, было запрещение траурных митингов. В этом отношении любопытным является письмо директору Московского Художественного театра Вл. И. Немировичу-Данченко об остановке процессии у Художественного театра и у редакции журнала «Русская мысль».

На представленном для подписи проекте этого письма имеется резолюция Трепова: «Сообщить объявлением в 3-м лице». В результате вместо общепринятой вежливой формы «объявление в 3-м лице» пошло в форме, более похожей на полицейский окрик. Вот текст этого «объявления»:

«Московский обер-полицеймейстер, свидетельствуя свое почтение, имеет честь уведомить Вас, милостивый государь, что при следовании похоронной процессии с телом покойного писателя А. П. Чехова мимо Художественного театра и мимо редакции «Русской мысли» разрешается отслужить литии, но при условии не произносить при этом никаких речей или надгробных слов, посвященных памяти покойного».

В проекте была приписка, что посвященные памяти Чехова речи и надгробные слова «могут быть допущены лишь на самой могиле усопшего». Властная рука обер-полицеймейстера вычеркнула и эту строку.

...УЖЕ в шесть часов утра, за час с лишним до прихода поезда, на Николаевском вокзале и на Новодевичьем кладбище было полно народа. Платформа на вокзале переполнена людьми и венками из роз и лилий. Среди венков — один, обративший всеобщее внимание своей надписью: «Прекрасной звезде сумеречной эпохи». От коллектива Художественного театра венок со словами: «Нежной и скорбной памяти вдохновенного учителя и друга».

Подавленные горем люди все подходят и подходят. Собравшиеся сосредоточены, немногословны. «Вот стоит, угрюмо сморщив брови и пытливо всматриваясь в толпу, Максим Горький», — писалось в «Русском листке» за 10 июля. Тут же были Вл. И. Немирович-Данченко, Шаляпин...

Лакированный дубовый гроб с телом А. П. Чехова люди на руках несли в течение четырех часов через весь город — от вокзала до Новодевичьего кладбища. Шествие в пути все увеличивалось и увеличивалось. По словам некоторых корреспондентов, уже у библиотеки имени Тургенева к процессии примкнуло до 10 000 человек. Молодежь охраняла шествие, идя по сторонам, взявшись за руки, чтобы никто не смог нарушить порядок.

У Художественного театра траурная процессия остановилась. Здесь собралось множество провожавших. В окнах домов всюду скорбные лица. Гроб поставили на сооруженный постамент. Депутация рабочих вынесла из здания театра и возложила на гроб огромный венок из пальмовых ветвей и цветов ромашки.

В ТО ВРЕМЯ, когда народ провожал А. П. Чехова в последний путь, власти в страхе суетились и действовали.

Полицейские чины находились на заводах и следили за выходом рабочих на работу. За процессией по всему маршруту наблюдали охранники. Полицейские надзиратели всюду были на своих местах. В охранке сидел специальный человек, который принимал от них по телефону поток докладов.

В обнаруженных архивных документах охранки имеется запись этих докладов. Оказывается, пока траурная процессия шла от Николаевского вокзала до Новодевичьего кладбища, в охранке, судя лишь по записям, было принято 14 докладов. О чем же докладывалось? Вот некоторые из записей этих докладов:

...«7 ч. 50 м. Околоточный фабричной полиции передал, что рабочие у Густава Листа вышли все своевременно на работу, каковую продолжают»...

...«8 ч. 45 м. Чудотв. передал с Николаевского вокзала, что процессия направилась(...) Провожает около 2 000 чел. Тут и Максим Горький (подчеркнуто). Много на повозках венков»...

...«9 ч. 35 м. Прудниченко передал, что около Художественного театра собралось публики около 500 человек. Публика разнообразная»...

...«10 ч. 15 м. Прудниченко: у Художественного лития окончилась, публики около 3 000 человек. Процессия отправилась дальше»...

Так зоркое око охранителей самодержавия следило за процессией до кладбища. Но и после того, как А. П. Чехов был похоронен, это око продолжало слежку.

Среди документов имеются донесения, поступившие в охранку из Хамовнической полицейской части Москвы. Из них мы узнаем о слежке за могилой Чехова. Так, обнаружен секретный доклад московской охранки, в котором говорится, что 2 июля 1905 г. на могиле А. П. Чехова собралось до 300 человек. Произнесено несколько речей «...в общем умеренного содержания, несколько же тенденциозным направлением отличались две последние речи, произнесенные помощником присяжного поверенного Дмитрием Никитиным Михайловым и неизвестным лицом, к установке коего приняты меры. Кроме того, в числе ораторов был некий Яблонский Александр Иванович, приехавший сегодня из С.-Петербурга и остановившийся в гостинице «Боярский двор»...» Личности ораторов выяснились в тот же день. Одного из выступавших филеры взяли под наблюдение тут же на могиле и следили за ним от Новодевичьего кладбища до Соломенной сторожки.

...Новые документы о Чехове — еще одно подтверждение глубокой его связи с народом, с демократической общественностью, с назревшими задачами преобразования социального строя самодержавно-крепостнической России.

Б. ФЕДОТОВ

М. КАРАТАЕВ

ГОРИЗОНТ КРИТИКА

Казалось бы, прямое дело литературной критики — бережно собирать и творчески исследовать богатый многонациональный опыт нашей советской литературы. Однако не только, так сказать, во всесоюзном масштабе, но даже и в республиках, близких по языку и национальной культуре, например республиках Средней Азии, многие критики предпочитают «вариться в собственном соку».

Не случайно трудно назвать хотя бы одну работу казахского, узбекского, киргизского или туркменского критика, в которой бы серьезно, глубоко разбирался вопрос о литературных взаимовлияниях. Явления своих литератур критики чаще всего рассматривают ограничительно, вне связи их с общим процессом развития всей советской литературы. В лучшем случае говорится о качестве перевода или констатируется влияние одного писателя на другого.

Так, в критико-биографических очерках Т. Нуртазина, С. Кирабаева, Т. Ахтанова сообщается, например, о влиянии Горького на Муканова, Мустафина и Мусрепова... А есть ли хоть один современный советский писатель, на которого творчество Горького не оказало бы какого-либо влияния? Я не хочу сказать, что не нужно поднимать вопроса о влиянии Горького на тех или иных казахских писателей. Я просто сомневаюсь в плодотворности подобной фактографии, не подкрепленной конкретным анализом литературного материала. Это тем более обидно, что названные мной критико-биографические очерки в целом содержательны и интересны.

Так же, лишь походя, вскользь, затрагиваются вопросы литературных взаимовлияний и взаимообогащений и в книге С. Сентова о казахской литературе за 40 лет, и в исследовании И. Султанова о социалистическом реализме в узбекской литературе, и в монографии А. Нуркатова об Ауэзове...

Впрочем, что говорить о работах среднеазиатских критиков, когда даже в таких общесоюзных печатных органах, как «Литературная газета», журналы «Вопросы литературы» и «Дружба народов», прямо призванных обобщать наиболее значительные явления литературного процесса, редко встречаются статьи, синтезирующие наш многонациональный опыт. В дискуссии о проблемах критики этот вопрос тоже не нашел никакого отражения. Конечно, важны выступления по вопросам национальной специфики таких литературоведов, как К. Зелинский, Л. Новиченко, З. Кедрина, Н. Шамота. Но эти теоретические выступления редки, в главное, не подкрепляются работами других критиков в братских республиках.

ПИСЬМО ИЗ АЛМА-АТЫ

Литературная критика должна сегодня активно вмешиваться в самый процесс усиливающихся и усложняющихся взаимосвязей наших литератур, выявлять и популяризировать все лучшее, что появляется в одних республиках и может быть использовано в других.

Кроме того, сейчас назрела необходимость совместного изучения целого ряда проблем. У казахов, узбеков, туркмен, таджиков, киргизов, каракалпаков есть много общих тем. Например, тема раскрепощения женщины и превращения ее в активного строителя новой жизни. Или тема разоблачения царского колониализма и местного байства в романах о дореволюционном прошлом. В казахской и латышской литературах заметно общее тяготение к монументальной эпической прозе — и эти тенденции надо изучать, помогая самим писателям отличать действительно содержательный многоплановый роман от пухлых, нарочито раздутых его собратьев.

Дело критики — изучать и те каналы, по каким идет взаимообогащение братских литератур. Здесь не только общность тематики, вызванная историческими условиями, но и переводы, одинаковые принципы критического использования фольклора, определенная жанровая общность.

Наконец, ждет изучения и один из сложнейших вопросов сегодняшнего развития наших литератур — вопрос о национальных традициях. Всем нашим критикам надо вдуматься в слова М. А. Суслова о том, что «было бы неправильным считать национальной традицией только то, что отличает одну национальную культуру от другой, или только то, что связано с прошлым народа, с его историей, с тем, что отражало тягостную жизнь народа в условиях социального и национального угнетения. Надо более зорко видеть и поддерживать новые традиции, общие черты, которые складываются во взаимоотношениях советских социалистических наций в ходе коммунистического строительства».

Мысль эта, высказанная на недавней встрече руководителей партии и правительства с деятелями культуры, указывает реальное, жизненное направление, на котором и возможно решение критикой целого ряда запутанных проблем национальной специфики литературной формы, использования народного поэтического творчества и старых литературных жанров и прочее. Творческое освоение прежних традиций, изучение новых традиций и общих черт, рожденных временем, дадут возможность критикам разных республик оценивать явления своих литератур с общесоюзной точки зрения.

Хорошо было бы, если б критики и сами писатели почаще вступали в творческий спор друг с другом. Достоин всяческой поддержки почин узбекского писателя Хамида Гуляма, опубликовавшего на страницах «Литературной газеты» статью «Неудачи моего друга» — о творчестве казахского поэта Таира Жарокова.

Русские критики систематически выступают с оценкой произведений литератур других народов Советского Союза. Много статей было посвящено «Буре» В. Лациса, «Абаю» М. Ауэзова, «Решающему шагу» Б. Кербабаева, «Сестрам» А. Мухтара, роману «Кровь людская — не водица» М. Стельмаха, «Дохунде» С. Айни и т. д. А часто ли встречаем мы в национальной печати критический разбор новых произведений русской советской литературы?

Чем же объяснить такую узость?

Отчасти это объясняется, вероятно, слабой ориентированностью критиков в иноязычных литературах и в самой жизни.

Кроме того, зачастую наша критика плохо владеет оружием эстетического анализа.

Слабость эстетической вооруженности критики сказалась у нас и, к сожалению, пока продолжает сказываться и в процветании так называемого «аксакальства». Явление это, специфическое для литературной жизни среднеазиатских республик, связано еще со стародавними временами. Как прежде мнение аксакала — старейшины было законом для окружающих, так и мнения литературных аксакалов порой у нас как бы не подлежат обсуждению. Тенденции аксакальства, когда они опираются не на истинные достоинства произведения, а на «веское» слово всеми уважаемого писателя, хотя и в ослабленном виде, к сожалению, еще встречаются. Усиление идейно-эстетической вооруженности, партийной принципиальности критики поможет нам избавиться от этого недостатка.

Трудно переоценить необходимость творческих контактов. Созыв региональных совещаний и конференций, издание объединенных сборников статей по специальным вопросам и темам, взаимный перевод литературно-критических трудов, обмен бригадами писателей, — да мало ли всевозможных форм связи имеется в нашем распоряжении? Важно, чтобы мы стремились их использовать. Жизнь настоятельно требует от нас расширения идейно-эстетического горизонта, усиления политической зрелости, повышения мастерства, еще большей творческой сплоченности и дружбы.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО СКАЖЕТ НАРОД!

Фам КОНГ,
вьетнамский журналист

Чан Тхи Ли — жертва зверских пыток агентов Нго Динь Дьема. Несмотря на десятки ран, девушке удалось бежать на Север Вьетнама. На снимке: Чан Тхи Ли в госпитале в Ханое. Она подписывает свою фотографию для матери Зои Космодемьянской.

Кто виновники?

Шесть лет минуло с тех пор, как умолкли последние залпы под стенами Дьен-Бьен-Фу. Шесть лет назад грязная колониальная война во Вьетнаме завершилась позорным разгромом французских колонизаторов, опиравшихся на помощь американских империалистов. Но мир пришел не на всю вьетнамскую землю. Южнее 17-й параллели — от реки Бьен Хай до мыса Ка Мау, южной оконечности страны, — эхо выстрелов и грохот пушек, пронзительное завывание реактивных бомбардировщиков не затихают и по сей день. Здесь и поныне льется кровь. Здесь лакей Белого дома Нго Динь Дьем, выполняя приказы американских военных советников, используя американское оружие, танки и самолеты, стремится поставить на колени патриотические силы Южного Вьетнама.

Величавая, красивая река Бьен Хай — демаркационная граница между двумя частями одной страны — стала искусственным барьером, разобщившим тысячи семей, разлучившим мужей и жен, отцов и сыновей, матерей и дочерей, братьев и сестер. Насильно разобщены люди единой нации и единой многовековой культуры, одних предков, одной истории.

Не раз за последние годы правительство Демократической Республики Вьетнам обращалось к южновьетнамским властям, предлагая положить конец ненормальному положению. Никакого ответа. Зато изо дня в день пронзительный голос южновьетнамского радио доносит к северному берегу Бьен Хай мутные потоки лжи и клеветы на ДРВ, циничные угрозы.

Спросите любого честного вьетнамца, будь то на севере или на юге: кто виновник такого положения? Кто несет ответственность за агрессивные приготовления в Южном Вьетнаме? Ответ будет один: «Ми—Дьем» («США — Дьем»). И действительно: нельзя говорить о Нго Динь Дьеме, не сказав про его вдохновителей. Дьем — всего лишь исполнитель разработанных послом США в Сайгоне и одобренных Белым домом далеко идущих планов. Недаром во время своего визита в Вашингтон Дьем заявил: «Граница США простирается до 17-й параллели, отделяющей Юг от Севера Вьетнама».

В военных планах США Южный Вьетнам занимает важное место. Заменив здесь французских колонизаторов, Вашингтон преследует двоякую цель: расширить эксплуатацию естественных богатств «страны Юга» и создать военный плацдарм против ДРВ и независимых государств Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Чтобы реализовать планы Пентагона, американцы саботируют Женевские соглашения, превращают Южный Вьетнам в свою колонию. Еще в 1954 году покойный Джон Фостер Даллес откровенно говорил, что Южный Вьетнам должен иметь правительство, опирающееся на полицейские силы, достаточно эффективные, чтобы подавить сопротивляющиеся элементы.

С помощью США Дьем сколотил армию в 150 000 человек, создал так называемые «мобильные полицейские силы» не считая специальных провинциальных частей, предназначенных для подавления сопротивления местного населения. На 13 миллионов жителей приходится ныне более 300 000 вооруженных солдат и офицеров. Это войско обучает американская военная миссия, возглавляемая генералом Сэмюэлем Вильямсом.

Все подчинено здесь агрессивным планам. На военные цели расходуется 80 процентов бюджета Южного Вьетнама и более 80 процентов американской «помощи».

Монополии США захватили в свои руки всю экономику Южного Вьетнама. Местная промышленность разорена; растут безработица, налоги.

«Всюду население недовольно политикой и экономическими мерами правительства, недовольно налогами, отношением к религии, развращением нравов, отсутствием сбыта товаров, безработицей, отсутствием уверенности в будущем и подавлением демократических свобод». Это признание принадлежит сайгонскому журналисту.

Стремясь подавить недовольство народа, Нго Динь Дьем усиливает репрессии. Массовые аресты, пытки, казни на гильотине, буквально все средства средневековой инквизиции используются им для сохранения прогнившего режима. Около 230 000 человек, требовавших объединения страны, брошено в тюрьмы. Каждый десятый житель Южного Вьетнама — жертва террора дьемовцев. Каждую третью семью коснулись репрессии.

Пытки, учиненные над девушкой Чан Тхи Ли, массовые избиения заключенных, отравление более шести тысяч узников концентрационного лагеря в Фу Лое, военные карательные операции, «чистки», сопровождаемые убийствами, грабежами, насилием, а также другие чудовищные преступления в духе гитлеровцев — вехи так называемой «антикоммунистической кампании».

Южновьетнамские власти прибегли и к такому неслыханному преступлению, как насильственный сгон крестьян многих сел и деревень в так называемые «зоны процветания» — дьемовские концлагеря, обнесенные колючей проволокой. Так дьемовцам легче следить за крестьянами. Закон № 10-59, направленный против бывших участников движения Сопротивления, дает возможность диктатору арестовывать и казнить патриотов, протестующих против реакционного режима и засилья американцев.

Чем же окончится эта политика подчинения иностранному господству, политика массовых репрессий?

Сумеют ли те, кто проводит политику штыка, пули и бомбы, подавить движение за независимость? Нет и нет! Наоборот, благородная борьба наших соотечественников за объединение родины все более разгорается.

Кто сеет ветер, пожнет бурю!

Борьба нарастает

В новой колонии американских империалистов, этом «маленьком уголке «свободного мира», как его назвал Эйзенхауэр, ширится, нарастает антиамериканско-антидьемовское движение. От затерянных в джунглях селений до улиц Сайгона растет народный протест, поднимается на борьбу рабочий класс. Интеллигенция, национальная буржуазия становятся в ряды оппозиционного фронта. Растет недовольство студентов, учащихся. Участились случаи дезертирства солдат из армии.

...В Сайгоне стоит изнуряющая тропическая жара. Но не эта жара угнетает Нго Динь Дьема и его хозяев. Диктатор явно опасается за свою судьбу. Его бросало в дрожь еще в июльские дни 1958 года, когда поднялся Ирак. Дьем содрогнулся, узнав о судьбе Фейсала и Нури Саида. Он с ужасом узнал об изгнании Батисты и Ли Сын Мана. Мендереса и Киси. Неужели близится мой черед, спрашивает себя Дьем. Беспокойством охвачены и покровители Дьема в США.

Этот страх еще более усиливают вести, поступающие с Севера Вьетнама, где идет успешное строительство социализма. Тысячами путей проникают на Юг Вьетнама сообщения об успехах лагеря мира и социализма, о росте национально-освободительного движения народов Африки и Латинской Америки.

Успехи в политике, экономике, науке и культуре стран социализма, и особенно Советского Союза, оказывают огромное влияние на жителей Южного Вьетнама. Ведь советские спутники, советский космический корабль пролетали и в небе Сайгона.

Развернувшаяся по всей Демократической Республике Вьетнам кампания борьбы против американо-дьемовской клики — это помощь нашим соотечественникам, ведущим священную борьбу против засилья американских империалистов и их приспешников. Лозунги «Долой «Ми—Дьем»!», «Американцы, гоу хом!» и другие гремят над всей республикой. Весь наш народ устремлен к миру, национальной независимости, счастью и свободе.

Вьетнамский народ убежден в победе справедливого дела, убежден в том, что придет конец засилью США, диктатуре Нго Динь Дьема. Эта уверенность помогает жителям Южного Вьетнама в борьбе против врагов. Народ укрепляет свое единство.

Если бы какой-нибудь зарубежный друг спросил нас, кто же скажет последнее слово, мы, вьетнамцы, без колебания ответили бы: наш мужественный народ скажет это последнее слово. Такова объективная логика истории. Никто не может остановить ее ход. А если кто и попытается сделать это, история сомнет его, как могучий локомотив подминает былинку.

Сам народ творит историю.

ХАНОЙ

От Анри Аллега до Джамилы Бупаша

ЯОЖИДАЛА этого: Джамила была красива, с жгутом длинных волос, зачесанных на одну сторону, и огромными глазами, устремленными куда-то вдаль.

Она говорила отрывистыми фразами, тихим голосом, стараясь точно объяснить мне, в каких местах к ее телу были прикреплены электроды; как ее, распростертую на земле, топтал ногами взбесившийся офицер. И бутылка... Купаясь в крови, девушка потеряла сознание.

Мое явное волнение несколько нарушило бесстрастный тон ее повествования. Голос стал менее спокойным. Губы ее задрожали, глаза, казалось, снова стали воспринимать окружающую действительность. Громко она сказала:

— Нет... Вы не можете понять, никто не может понять!

Мне нечего было возразить. Ощутив неловкость, я предложила ей папиросу. Нет, она не курит. Конфету? С детской непосредственностью Джамила поблагодарила, но, спохватившись, тут же отказалась.

— Сегодня утром убили одного из наших братьев. Осужденный на смерть, он был казнен на заре. Тогда мы объявили голодовку на весь день. От самой зари и до вечера мы поем патриотические песни (я слышала их). Так мы провожаем тех, кто идет умирать.— Джамила добавила с вызовом: — Никто не может помешать нам в этом!

Джамила отвечала на мои вопросы: сначала ее пытали в распределительном центре Эль Биар, затем в казарме Гуссейн-Дэй. Она совершенно потеряла представление о времени. Пришлось высчитывать: «Арестована 10 февраля, официально взята под стражу 15 марта». Между этими двумя датами — чудовищный мир электродов, ваши, истязаний.

Джамила рассказывала о пытках с большим целомудрием. Она явно страдала, когда говорила мне, отведя взгляд:

— Они не изнасиловали меня, нет, они истязали меня бутылкой. Долгое время я оставалась без сознания.

Я посоветовала Джамиле подать жалобу, спросила, сможет ли она опознать своих палачей. В тесной приемной, перегороженной решеткой, Джамила, ожившись, резко поднялась со стула.

— Нет, вам не понять... — И неожиданно: — Знайте, я активистка Национального фронта освобождения Алжира, я участвовала в сражениях, но никогда не могла себе представить, что в Эль Биаре так тяжко...

Здесь же, в Эль Биаре, три года назад убили Мориса Одена.

Три года назад здесь пытали Анри Аллега. В книге «Допрос под пыткой», краткой и резкой, как вопль, он рассказал, как солдаты привели его к уже потерявшему силы и смертельно бледному Морису Одену.

Всего несколько слов сказал Морис Оден Аллегу: «Тяжко, Анри!» Как Джамила, которую терзали в том же лагере. «Тяжко», — повторила она...

Да, мы знали об этом. Мы всё знаем. Мы располагаем именами, свидетельскими показаниями, названиями мест, где в течение нескольких лет изо дня в день практикуются пытки...

Когда я посетила мать Джамилы, в комнату вбежал ее внук, мальчик лет восьми.

Я сказала ему несколько слов по-арабски. Подняв на меня взгляд, мальчик проговорил:

— А ты знаешь, французские солдаты ударили моего дедушку так сильно, что он упал? Я сам видел. А нас они заперли и все в нашем доме перебили...

Передо мной фотография семейства Бупаша. Выделяется седовласая голова отца Джамилы — старого Абдель Азиза. Он очень красив: старость не разрушила этой красоты, а, напротив, придала ей гармоническую завершенность.

Этого высокого, худощавого старика солдаты швырнули на землю и избили на глазах у всех членов его семьи. Одна из них в бессильной ярости кусали губы, дети, охваченные ужасом, не могли отвести от происходившего свой взор. В беспорядочном рассказе, записанном мною буквально, Абдель Азиз Бупаша поведал о своих страданиях.

На другой день я снова навестила Джамилу. Она тоже рассказала мне про грабежи, про оскорбления и издевательства. После пыток она боялась, что ее заставят молчать. Когда военные потребовали от нее хранить все происшедшее в тайне, она дала им резкий отпор. Но оказавшись в тюрьме, Джамила заново пережила страшное потрясение от перенесенных ею мук и ощутила безграничный упадок сил.

К чему кричать? Оден был мертв, Аллег издал вопль, услышанный во всем мире. И вот три года спустя она, Джамила, также оказалась здесь, измученная пребыванием в распределительном центре Эль Биар и в казарме Гуссейн-Дэй.

А ведь «Комиссия по охране свобод» посетила Барберусскую тюрьму в Алжире. Ее председатель господин Патэн побывал в женском отделении. Но господина Патэна сопровождали начальник тюрьмы, охрана, сотрудники алжирской прокуратуры, и никто из заключенных не смог узнать, кто он...

Лицо Джамилы было серьезным. В этот день ее густые волосы были закручены вокруг головы, образуя пышную «каску». Тщательно подбирая слова, чтобы не обидеть вас, меня, одним словом, — французов, она сказала:

— Теперь, когда вы здесь, я понимаю, что ошиблась, что могу защищаться и обвинять...

ЭЛЬ БИАР, Гуссейн-Дэй, Казино де ля Корниш — лагеря пыток, раскинувшиеся под солнцем, существуют официально.

Аллег, Оден, Бупаша — все вы — звенья горестной цепи, которая обвиняет нас.

Наше преступление выражается если не в сообщничестве, то в бессилии. Джамила права. Мы не можем понять.

Если мы не поняли всего после книги Аллега, если мы не наказали убийц Одена, то, значит, мы уже не в состоянии ничего понять.

Но Джамила не одинока. В одно из воскресений, раскрыв газету «Унита», туринский металлист увидел ее имя. На страницах газеты Тольятти протестовал против пыток, которым ее подвергли... В Оксфорде местная интеллигенция узнала о пережитых ею муках из статьи в «Обсервере»... В Копенгагене, Коста-Рике, Рабате, Пекине — повсюду Джамила Бупаша стала известной. О ней говорят за семейным столом, в конторах, на заводах, в полях, как о младшей сестре, изобличающей систему, которая жива лишь позорными деяниями и зверской жестокостью.

Жизель ХАЛИМИ,
адвокат Джамилы Бупаша

Статья из французского журнала «Тан Модерн», издаваемого писателем Жан-Поль Сартром.
Печатается в сокращенном виде.

Размышления у Хрустального глобуса

Ю. ХАНЮТИН

Мы возвращались домой в Москву. И в составе советской делегации, как полноправный пассажир, занимая отдельное место в автобусе Карловы Вары — Прага, ехал Хрустальный глобус — большой приз фестиваля. Его эскортировал Георгий Данелия, один из создателей фильма «Сережа». Глобус был тяжелый, в солидном футляре, его бережно несли в руках, заботливо устраивали на полке в самолете. Что ж, этот хрусталь стоил внимания. Он был завоеван в нелегком соревновании с кинематографистами более чем сорока стран, и завоеван по праву.

Сейчас он стал уже достоянием истории. Его будут бережно хранить как золотую пальмовую ветвь Канна за картину «Летят журавли», как почетный приз за «Балладу о солдате» и многие другие награды. Но хранить призы — значит не только бережно сметать с них пыль, а прежде всего понимать, как они завоевывались и какими путями следует идти, чтобы эти награды приумножить. Мало проку в потускневших реликвиях. Кубки, ветви, глобусы, львы гордо сверкают, когда на них падают отсветы новых призов. И подводя итоги XII международного кинофестиваля, нужно думать о будущем. Что с этой точки зрения особенно важно?

Конкурс в Карловых Варах, дискуссии на Вольной трибуне со всей остротой поставили вопрос о путях современного кино.

Случилось так, что во время фестиваля в огромном летнем кинотеатре Карловых Вар вне конкурса демонстрировались англо - американский фильм «Мост через реку Квай» и советский «Баллада о солдате». Совпадение — случайное. Но оно заставило вновь вернуться к разговору о «Мосте через реку Квай», созданном уже несколько лет назад. Это талантливое, сильное произведение. Его авторы ненавидят войну. И, однако, присмотревшись внимательнее, понимаешь: если это и гуманизм, то совсем не тот, который утверждается в лучших, прогрессивных произведениях мирового кино.

Английский полковник, попавший в плен со своим отрядом к японцам — действие происходит в годы второй мировой войны,—строит для врага мост, имеющий важное стратегическое значение. Инстинкт созидания, умерщвлявшийся в нем столько лет, вырывается наружу, вступает в противоречие с неумолимой логикой войны, приводит полковника к катастрофе. Война находит и другие жертвы, разрушая человеческое в людях. Концепция фильма ясна — всякое здоровое, гуманное чувство во время войны в лучшем случае бесполезно, в худшем — оборачивается предательством. В фильме есть своя суровая последовательность. Но смотря его сейчас снова, я думал о наших картинах последнего времени: о «Судьбе человека», «Балладе о солдате». Ведь в них тоже показывается война, ее кровь, смерть и горе. Но пафос их как раз в обратном. Они утверждают силу человека в столкновении с ужасами войны. Ведь в том смысл фильма С. Бондарчука, что он показывает судьбу простого человека, прошедшего через все круги военного ада и не утерявшего своей человечности. И точно так же «Баллада о солдате» стала рассказом о красоте души простого русского паренька, рвущегося навстречу людям, готового отдать им и отдающего не только краткие дни своего военного отпуска, но и жизнь.

Разговор обо всем этом зашел на дискуссии, организованной во время фестиваля чешской газетой «Культура» между критиками из Советского Союза, Чехословакии, США и Франции. Американский журналист Ричард Гренье, возражая против моего сравнения «Судьбы человека» и «Моста через реку Квай», сказал, что авторы «Моста» ставили перед собой иные задачи.

— Но ведь в том-то все и дело, что иные. Вряд ли могут быть претензии к тому, как решаются в фильме эти задачи. Его авторы сделали все, чтобы доказать бессилие и нелепость гуманных побуждений перед действительностью войны. Но нужно ли это доказывать? Та ли это правда, которую должен утверждать художник?

«Вся работа моей жизни была «игрою на повышение», цель у меня всегда была и остается одна: повышение в людях воли к жизни, повышение активной ненависти к действительности, унаследованной нами от прошлого». Эти строчки были написаны Горьким более тридцати лет назад, но и сегодня они остаются вполне современным критерием оценки искусства и могут быть применимы к фильмам фестиваля.

Мы сочувствуем молодому негру, герою французского фильма «В воскресенье не хоронят», переживаем вместе с ним тоскливое одиночество в огромном чужом городе, радуемся счастью обретенной любви. Но когда в финале выясняется, что его чистая, нежная возлюбленная нагло изменяла ему, то этот неоправданный, неожиданный конец, перечеркивающий саму возможность любви и доверия, заставляет и весь фильм играть на понижение человеческой ценности.

И дело здесь не в «темном» или «светлом» колорите, не в том, какие стороны жизни показывает автор, но в его позиции. И советская картина «Сережа», и фильм французского режиссера Ф. Трюффо «Четыреста ударов» посвящены судьбе ребенка. Но, как верно заметил один чешский критик, если картина Трюффо идет в Чехословакии под названием «Меня никто не любит», то «Сережу» можно было бы назвать «Меня любят все». Различие это не относится к авторам. Затравленный мальчишка, бежавший из исправительного дома, стоит на берегу моря, о котором он столько раз мечтал, валяясь в вонючей камере, и жадно вдыхает свежий, дахнущий водорослями воздух; маленький Сережа, прижавшись к матери, счастливо улыбается нам из-за стекла автомашины. Два кадра — трагический и безмятежный — кончают эти два столь различных фильма. Но в них обоих бьются любовь и сочувствие Ф. Трюффо, Г. Данелии и И. Таланкина к своим героям. Чувство активное, действенное двигало авторами этих картин, так же как и авторами «Живых героев», или великолепного чехословацкого фильма «Белая голубица», или западногерманского «Розы для господина прокурора». Создатели этих фильмов борются за свои идеалы, их гуманизм лишен филантропической мягкотелости. Они хотят изменить мир, а не только констатировать его неустройства.

На первом всемирном фестивале
Рисунок французского художника Жана Эффеля.
Сделан в Карловых Варах специально для «Литературной газеты».

ФИЛЬМЫ фестиваля, естественно, были чрезвычайно различны по своим художественным особенностям. Рядом с бытовой, повествовательной манерой индийской картины «Бессловесная тварь» — концентрированная, сгущенная почти до аллегории образность «Живых героев», традиционные спокойные режиссерские решения английского «Комика» и экспрессивные, острые приемы чехословацкого фильма «Авария». Но в этом обычном многообразии фестивальных лент неожиданно прочертилась одна тенденция, представляющаяся чрезвычайно любопытной и, может быть, многообещающая в новаторских поисках, которые ведутся кинематографистами разных стран.

В предпоследний день фестиваля был показан новый фильм Роберто Росселлини «В Риме была ночь». 1944 год. Трое военнопленных, бежавших из концлагеря — американец, англичанин и русский скрываются от гестапо. Они переходят из одной римской квартиры в другую, спасаются от преследователей по крышам домов, крадутся по безлюдным ночным переулкам. Казалось бы, какая возможность создать фильм острого, стремительного сюжета, держащий зрителей в постоянном напряжении. Но действие развивается медленно, режиссер подробно останавливается на второстепенных деталях быта героев, долго всматривается в пейзажи ночного Рима, уделяет много внимания эпизодическим персонажам. Фильм идет три часа. Когда его смотришь, он кажется растянутым и утомительным. И если бы не знать Росселлини — основоположника итальянского неореализма, создавшего сцены незабываемого трагического напряжения в «Риме — открытом городе», в «Генерале делла Ровере», можно было бы подумать, что причина здесь просто в неопытности, неумелости. Но ясно, что это не так. Режиссер сознательно избрал такую, а не иную форму картины. И любопытно, что чем дальше уходишь от фильма, тем больше он вспоминается и в деталях, и в целом.

Но намерения Росселлини, должно быть, не получившие все же вполне удачного воплощения, стали более ясны после просмотра картины Федерико Феллини «Сладкая жизнь».

Когда смотришь «Сладкую жизнь», поражает прежде всего отсутствие всего искусственного, нарочитой преднамеренной драматургической конструкции. Беспощадный отказ режиссера от приемов, которые — он знает — будут впечатлять наверняка. Один за другим идут эпизоды, связанные только образом главного героя. Эпизоды, не подчиненные как будто традиционным законам драматургического построения, лишенные в обычном смысле завязки, кульминации, развязки. Вот случилось чудо — ребятишкам привиделась мадонна. Толпа, застывшая в ожидании нового знамения, радиокомментаторы с магнитофонами, сотни фоторепортеров, слепящий свет прожекторов, вспышки «блицев». Контраст горячего нетерпения верующих и деловитой холодности пропагандистов чуда. Калеки, покорно ожидающие исцеления под проливным дождем. Объектив бесстрастно фиксирует одну группу за другой. Дети вдруг снова увидали мадонну, побежали к ней, толпа с проклятием и криками бестолково мчится за ними, полиция стремится предотвратить давку, работающие локтями репортеры,— кажется, все это документальная съемка, запечатленная умелым оператором, вставь ее в любой киножурнал и не заметишь инсценировки.

Этот, условно говоря, документализм, отказ от привычных приемов обработки материала представляется мне важной и знаменательной чертой ряда произведений, помеченных 1960 годом. В них нет сюжета в привычном его понимании. Точнее, он приобретает новое качество. «Несколько историй из жизни очень маленького мальчика». Такой подзаголовок дали вслед за В. Пановой своему фильму постановщики «Сережи». Они вовсе не пытались, как это обычно бывает, связать все эпизоды повести тугим сюжетным узлом. Могут возразить: здесь все определяла литературная первооснова. Но, собственно, такую же форму избрали Г. Чухрай и В. Ежов в «Балладе о солдате». Это тоже несколько историй, многие герои которых уходят и больше не появляются. Сюжет в этих фильмах понимается, согласно горьковскому определению, как история роста и организации характеров и даже более того — как движение самой жизни.

Конечно, исходные позиции и конечные цели Г. Чухрая в «Балладе о солдате» и Ф. Феллини в «Сладкой жизни» совершенно различны. А общее? Оно в стремлении избежать всякой жесткой художественной конструкции, которая заставила бы героев действовать не по логике мысли, а по логике сюжета, ограничила бы широту изображения.

Значит ли это, что искусство возвращается к натурализму, механическому воспроизведению действительности? Ни в коем случае. За эмпирическим, казалось бы, изображением действительности в «Сладкой жизни» встают обобщения огромного апокалипсического размаха, встает картина общества, изжившего себя.

Точно так же общая светлая картина нашей жизни ощущается за историей маленького Сережи и юного солдата Алеши Скворцова. Как это достигается, понять не всегда легко, но нужно. Ясно во всяком случае, что, стремясь передать жизнь во всей ее полноте, в ее естественном течении, многие художники отказываются от традиционных приемов старого кино, ломают жесткие рамки обычного сценария.

Конечно, было бы нелепо канонизировать этот путь. Полнота жизни, ее глубинное осмысление могут быть переданы в искусстве и другими способами. Нельзя сбрасывать со счетов фильмы расчетливой и очевидной композиции, напряженного и ясного сюжета. Пути новаторства многообразны. Но в названных картинах намечаются какие-то интересные возможности, которые еще ждут и практического развития, и критического анализа. Бесспорно только, что новое содержание времени требует поисков новых приемов отражения жизни. И если, сохраняя верность своим идейным принципам, мы будем смело искать, то, несомненно, уже завоеванные призы не останутся в одиночестве, каждый год будет прибавлять на витринах киномузеев новые ряды почетных фестивальных наград.

ПРЕКРАСНАЯ ДУША

УГАСЛА жизнь Лилиан Войнич. Там, в Нью-Йорке, в одном из небоскребов Манхеттена умерла очень старая женщина, писательница, книга которой прожила долгий век и, — нет сомнения, — будет жить еще очень долго, рассказывая все новым и новым поколениям о подвиге человека, восставшего против насилия и мракобесия. Пусть это был неорганизованный протест сильной личности со сложной романтической биографией, пусть характер Артура был наэлектризован индивидуалистическими зарядами, важно, что герой книги Войнич был борцом против несправедливости и зла. Поэтому и был с такой любовью принят во многих частях света роман «Овод». Но хотя он действительно читался во многих странах, можно без преувеличения сказать, что настоящей родиной этого романа оказался Советский Союз, подаривший его читателям астрономическими тиражами.

Когда нам, группе советских писателей и журналистов, посчастливилось, находясь в Соединенных Штатах Америки, побывать в гостях у Войнич, мы спрашивали, как родился замысел этого романа. Старая писательница в ответ на наши вопросы сказала тогда:

— Очень трудно объяснить, как это происходит. Если бы кто мог объяснить, как это происходит!

«Овод» создавался в то время, когда Войнич остро ощущала приближение революционной бури. Работы советских литературоведов, и в частности Е. Таратуты, убедительно показывают, что связи Войнич с русскими революционерами, например со Степняком-Кравчинским, не могли не повлиять на формирование главного образа романа.

ПАМЯТИ ЭТЕЛЬ ЛИЛИАН ВОЙНИЧ

И вот именно из Советского Союза пришла весть к писательнице, что давно написанная ею книга любима, много раз издана и переиздана на десятках языков в СССР и в других странах, что по этой книге поставлен кинофильм и создана пьеса и что Артур дорог и близок миллионам читателей.

— А я думала, что после этого издания в России других не было, — говорила нам Войнич, показывая маленькую потрепанную книгу, выпущенную в 1911 году в «Универсальной библиотеке» в издательстве «Польза».

Последние годы Войнич была согрета вниманием и бесчисленными проявлениями дружбы со стороны читателей, Союза писателей и организаций культуры Советского Союза. Думаю, что именно это и дало возможность продлить жизнь замечательной писательнице, не знать нужды, в какой она до этого находилась, и чувствовать настоящую моральную поддержку. Чистая, правдивая душа, она до конца дней своих сохранила верность благородным идеалам, она платила любовью за любовь, которую получала от благодарных ей читателей. Такой и останется она в памяти и у нас, и у будущих поколений — автор прекрасного романа «Овод» Этель Лилиан Войнич.

Анатолий СОФРОНОВ

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЯДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-99-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—024180